

Майкл Джексон

*Жизнь
короля*

РЭНДИ ДЖ.

ТАРАБОРРЕЛЛИ

18+

БОМБОРА

Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены

Рэнди Тараборрелли

Майкл Джексон. Жизнь короля

«ЭКСМО»

2010

УДК 78
ББК 85.31

Тараборрелли Р.

Майкл Джексон. Жизнь короля / Р. Тараборрелли — «Эксмо»,
2010 — (Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены)

ISBN 978-5-04-177107-2

В ваших руках исчерпывающая биография короля поп-музыки Майкла Джексона. Вся его жизнь и даже смерть сопровождались бесчисленными мифами и сплетнями: от постоянных пластических операций до обвинений в педофилии. Что говорить: многие поклонники звезды до сих пор уверены, что их кумира убили (или же он вовсе не умер, а устал от суеты вокруг своей персоны). О жизни и карьере Майкла Джексона было сказано и написано так много, что отделить этого человека от мифа стало почти невозможно. Эта книга – плод более чем 30-летнего исследования и сотен эксклюзивных интервью с самым близким кругом семьи Джексон, включая самого Майкла при жизни. Каким он был на самом деле? Королем, новатором, непонятым музыкальным гением, чья карьера началась еще в глубоком детстве? Или незащищенным, в сущности, несчастным взрослым, у которого достаточно денег и власти, чтобы делать все, что ему нравится, и оставаться безнаказанным? Прорываясь сквозь бульварные слухи, Дж. Рэнди Тараборрелли прослеживает настоящую историю Майкла Джексона, начиная с его первых репетиций в детстве и первых наград и заканчивая расцветом таланта, постоянно меняющейся внешностью и причудливыми маркетинговыми трюками. И разумеется, не забывая о тайне его столь внезапной смерти. В формате PDF A4 сохранён издательский макет.

УДК 78
ББК 85.31

ISBN 978-5-04-177107-2

© Тараборрелли Р., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Вступительное слово	7
Часть первая	9
Вступление	9
Джозеф и Кэтрин	12
Начало	14
Джозеф бьет Майкла	18
Забираясь на вершины	20
«Бедная моя, бедная семья»	25
Ребби женится	28
Первая запись	29
Джексоны в Motown	32
«Голливудская жизнь»	38
Первый хит The Jackson 5	42
Майкл переезжает к Дайане	45
Успех!	47
Часть вторая	52
ABC и The Love You Save	52
«Все становилось только лучше...»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рэнди Тараборрелли

Майкл Джексон. Жизнь короля

© С. Минасян, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Эта книга посвящается памяти
Майкла Джозефа Джексона
1958–2009*

Почему бы просто не сказать людям, что я пришелец с Марса. Скажи им, что я ем цыплят живьем и исполняю танец вуду в полночь. Они поверят всему, что ты скажешь, потому что ты репортер. Но если бы мне, Майклу Джексону, пришлось произнести: «Я пришелец с Марса, я ем цыплят живьем и исполняю танец вуду в полночь», люди бы сказали: «О боже, этот Майкл Джексон сумасшедший. Он слетел с катушек. Нельзя верить ни единому его чертову слову».
Майкл Джексон в интервью Джону Рэнди Тараборрелли, сентябрь 1995 года

Вступительное слово

Я впервые встретил Майкла Джексона, когда мы оба были детьми. The Jackson 5 только что выступили в конференц-центре Филадельфии субботним вечером 2 мая 1970 года – впервые после подписания контракта с Motown Records. Для мальчиков наступило бурное время; Майкл был юным одиннадцатилетним парнем, который пытался со всем этим справиться. Я помню его тогда, счастливого и влюбленного в жизнь. Но кое-что случилось... мы оба выросли, хотя и очень разными.

В восемнадцать лет я переехал в Лос-Анджелес, чтобы начать карьеру писателя, и регулярно брал у него интервью для статей в журналах. Я отчетливо помню день, когда написал «Майклу Джексону исполняется двадцать один год». Затем было «Майклу Джексону исполняется двадцать пять», «Майклу Джексону исполняется тридцать» и множество других публикаций, посвященных знаменательным событиям, а также материалов о талантливых членах его семьи. По мере того как он вырос, я с растущим беспокойством и замешательством наблюдал, как из симпатичного маленького черного ребенка Майкл превратился в... того, кем он является сегодня. Как журналист и частый хроникер жизни артиста я должен был каким-то образом разобраться в происходящем, соединяя кусочки пазла вместе, чтобы увидеть, насколько они подходят человеку, которого я знал в недавнем прошлом. Благодаря нашим многочисленным встречам я могу доподлинно сослаться на его мнение о событиях в его жизни и карьере.

В 1977 году, когда я приехал в дом Джексон в Энсино, штат Калифорния, чтобы взять интервью у семьи, Майкл вошел в комнату с повязкой на лице; ему тогда было девятнадцать. Я помню, как встревожился. Тогда я подумал, что слухи о том, что отец, Джозеф, избивал его, могут быть правдой, и эта мысль терзала меня много лет. На самом деле, как я позже узнал, он тогда перенес вторую из множества пластических операций.

В другом интервью, сразу после возвращения Майкла со съемок фильма «The Wiz» в Нью-Йорке в 1978 году, он сказал, что у него есть кое-какие «секреты», которые он предпочитает мне не сообщать, добавив, что «у *каждого* есть глубокие, темные тайны». Я никогда не забывал те слова, тем более что с годами он сам становился более странным, а его поведение делалось все более необъяснимым и непонятным.

Почему после всех этих лет мы все еще так очарованы Майклом Джексон? Дело в его впечатляющем таланте? Разумеется, отчасти в нем. Его голос мгновенно узнаваем, как и фирменные танцевальные движения. Так же как на него повлияли предшественники (например, Джеки Уилсон и Джеймс Браун), он стал кумиром для целого поколения артистов. Когда вы смотрите выступление Джастина Тимберлейка, разве он не напоминает вам кого-то еще?

Майкл является важным мерилем для многих из нас. Поскольку он был знаменит более тридцати лет, некоторые могут отмечать собственные этапы определенными вехами его жизни. Кое-кто достаточно взрослый, чтобы помнить, каким необыкновенно очаровательным и потрясающим солистом The Jackson 5 он был, а кто-то даже может вспомнить, где находился, когда братья обрели популярность. Мы помним, как впервые увидели на сцене или на экране его магическую «лунную походку»; мы помним день, когда впервые увидели видео «We are the World», с которым он возглавил звездный состав первой благотворительной акции подобного рода в Соединенных Штатах; мы помним его потрясающие выходы на концертах и новаторские клипы.

Сказать, что Майкл невероятно преуспел в своей карьере, – значит признать очевидное. Однако, каким бы выдающимся и легендарным ни было его мастерство, именно его личная жизнь интересовала многих из нас гораздо сильнее.

Мы, вероятно, помним, как впервые сталкивались с каждым из его новых обликов и задавались вопросом: что, черт возьми, этот мальчик делает со своим лицом?

Вы когда-нибудь задумывались, был ли он натуралом? Или геем? Или асексуалом?

Что вы подумали, когда впервые услышали, что его обвиняют в педофилии?

Вы помните, как смотрели его эмоциональное обращение из Неверленда, когда он сказал: «Полиция сфотографировала мое тело, в том числе мой пенис, мои ягодицы, нижнюю часть туловища, бедра и все части тела, которые они пожелали»?

А как насчет Лизы Мари Пресли и Дебби Роу, его загадочных бывших жен? Вы когда-нибудь задумывались об истинной природе их взаимоотношений?

Теперь у него есть дети, и он заставляет их надевать маски на публике.

«Каково это – когда ты один и внутри тебя холод?» – спросил Майкл в своей песне *Stranger in Moscow*. В самом деле, интересно, как, черт возьми, он превратился в того, кем он является сегодня?

Конечно, всем заправляет слава. Это удивительный феномен, по-настоящему с ним сталкивались только знаменитости. Однако задайте себе вопрос: если бы вся ваша жизнь разыгрывалась под тяжелыми и пристальными взглядами, еще более мучительными из-за жестокости отца, кем бы вы стали? Что, если бы обожающая публика инфантилизировала и любила в вас главным образом талантливого подростка? Как думаете, остались бы вы инфантильным? Могли бы вы взбунтоваться от разочарования и отчаяния и начать делать все что вздумается, не задумываясь о логике своих решений, здравом смысле и уместности поведения?

Что, если бы в придачу у вас было непомерное богатство, дающее возможность компенсировать самые потаенные слабости и удовлетворить желания любыми имеющимися в вашем распоряжении средствами, какими бы крайними они ни были, и когда никто не осмелился бы бросить вам вызов? Не нравится цвет вашей кожи? Изменим. Никогда не было настоящего детства? Привет Неверленду. Хотите спать в одной постели с мальчиками? Нет проблем. Не нравится, как вы выглядите? Подправим лицо. Все еще не нравится? Сменим на другое лицо, а потом на третье – и так пока не устроит.

Почему он не способен увидеть, что с ним происходит? – говорим мы о Майкле. Почему он *не понимает*? Как бы то ни было, каким он себя видит? Королем поп-музыки, новатором, непонятым музыкальным гением, чья карьера началась еще в глубоком детстве? Или незащищенным, в сущности, несчастным взрослым, у которого достаточно денег и власти, чтобы делать все, что ему нравится, и оставаться безнаказанным? Пожалуй, одно можно сказать наверняка: если бы вы были стопроцентным сочетанием того и другого, то велики шансы, что вы были бы как... Майкл Джексон.

Часть первая

Вступление

Пасторальному городу Лос-Оливос в округе Санта-Барбара немногим больше ста лет. Если турист захочет окунуться в местную историю, ему стоит посетить таверну Маттеи, построенную в 1886 году. Один из многих памятников ушедшей эпохи, это место служило остановкой для дилижансов. В эпоху, когда единственным средством передвижения был конный экипаж, гости находили здесь ночной приют во время своих путешествий. Там также располагалась станция узкоколейной железной дороги Тихоокеанского побережья, построенной в 1880-х годах, на случай, когда путешествие по суше вдоль побережья менялось от трудного до невозможного. Во времена расцвета эта местность простиралась на семьдесят пять миль от территории, которая некогда именовалась Харфорд-Уорф в заливе Сан-Луис, к югу от Лос-Оливоса. Путники оставались переночевать у Маттеи, чтобы на следующий день продолжить путь в Санта-Барбару на дилижансе. Сегодня здесь находится Музей карет, знакомящий всех желающих с историей региона. Бывший водопой ныне являет собой очаровательную закусочную Brothers Restaurant at Mattei's Tavern.

Однажды в музее появился странного вида мужчина с мальчиком, девочкой и младенцем. Его сопровождали две женщины, смотревшие за детьми, – возможно, няни. Одна из них прижимала к себе ребенка в одеяле. Кроме того, с ними был помощник, мужчина двадцати с небольшим лет. Он рыскал взглядом, в полной боевой готовности, зорко следя за происходящим вокруг.

Мужчина постарше, в темно-фиолетовой шелковой хирургической маске, шляпе поверх черных волос и огромных солнечных очках, остановился перед одним из экранов с фотографиями. «Принс! Пэрис! – воскликнул он. – Идите сюда! Поглядите-ка». Малыши подбежали к нему. Человек указал на изображение бледным тонким пальцем, на кончик которого был намотан пластырь, и прочел сопроводительное описание. Его высокий голос звучал поучительно. В середине текста он посоветовал мальчику слушать внимательнее, настаивая, что «это важно». Группа перешла от первого экрана к следующему, мужчина в маске читал каждое описание, увещевая детей не отвлекаться.

После экскурсии они с удовольствием перекусили в ресторане. Они смеялись, шутили на личные темы и казались огороженными от всего вокруг, не замечая существования кого-либо за пределами их крохотного мира. Человек в маске ел, не снимая ее полностью, лишь чуть-чуть опустив. Местные жители старались не обращать внимания на необычных посетителей. Однако было трудно не смотреть на них, тем более дети тоже были в масках – правда, не хирургических... а в карнавальных. Они сняли их, чтобы поесть, а затем надели снова, спрятав лица.

В начале 1900-х годов в тридцати милях от побережья Тихого океана была построена новая железнодорожная линия. Из-за того, что она обошла Лос-Оливос стороной, население некогда процветающего города сократилось. Город обрел второе дыхание лишь благодаря притоку туристов, наблюдающемуся в последние двадцать лет. Сейчас здесь есть индейская резервация и игорное казино, а также спа-салоны и ультрасовременные лечебные центры. Небольшие местные художественные галереи, антикварные магазины, сувенирные лавки, бутики и винодельни процветают в отреставрированных зданиях в западном стиле.

Однажды днем мужчина в маске посетил одну из художественных галерей. «Не правда ли, *эта* картина просто идеально смотрелась бы в спальне?» – спросил он юного помощника. В руках мужчина держал небольшую картину маслом с изображением двух ангелов, парящих в воздухе над спящим ребенком. Помощник кивнул. «Эй! – мужчина в маске подозвал кура-

тора. – Сколько вы хотите за нее?» Поговорив с ним, человек подошел к помощнику и что-то прошептал ему на ухо. «Хорошо, очень хорошо, – сказал он наконец владельцу магазина. – Я беру ее».

Владелец нацарапал цифры на листе бумаги и протянул его молодому человеку, доставшему из бумажника пачку банкнот. Он отсчитал необходимую сумму.

«Нет, постойте! Это слишком дорого, – сказал человек в маске, внимательно наблюдавший за происходящим. – Я думал, вы сказали, что она стоит сто долларов, а не сто шесть долларов с мелочью». Начались торги. «Что? *Налог?* Серьезно? За *это?*» – мужчина сделал вид, что усердно думает. «Ладно, – решил он, отложив картину, – в любом случае спасибо».

Как вдруг переговоры вступили в новую силу.

«Серьезно? Пусть так. Сто долларов».

Мужчина в маске снова посмотрел на картину. «Боже мой, не правда ли, она так прекрасна? – пробормотал он, беря ее в руки. – То, как дети на ней... *защищены*. Так мило». Когда они с помощником выходили из галереи, мужчина обернулся и прокричал владельцу: «Хочу, чтобы вы знали: я считаю вас замечательным человеком и желаю вам огромной удачи с вашим магазином! Я еще вернусь».

Лос-Оливос – территория, где расположено примерно пятьсот лошадиных ранчо, дома в викторианском стиле и около двух десятков предприятий. Тысяча человек, а может и меньше, называют это глухое захолустье своим домом (меньше дюжины из них черные), включая одного необычного жителя, единственного мужчину в городе, который носит маску: Майкла Джозефа Джексона.

Горная дорога Фигероа ведет вверх через густо поросшую и холмистую долину Санта-Инес в Лос-Оливосе. Мужчина продает яблоки под старым зеленым тенистым деревом на обочине дороги из года в год. Каждый день он сидит и ничего не делает, только продает фрукты, наслаждается днем и жарится на солнце. Вот такое место.

В полумиле от дороги, за внушительными дубовыми воротами находится горная дорога Фигероа 5225, массивный двухуровневый фермерский дом в датском стиле с кирпичными и каменными стенами, перекрытыми деревянными балками. Здесь живет Майкл Джексон.

Поместье площадью 2700 акров (почти 11 км²) когда-то было известно как ранчо Сикамор – ранчо для разведения овса и содержания крупного рогатого скота. Его выставили на продажу за 35 миллионов долларов; Майкл приобрел его за 17 миллионов долларов в мае 1988 года. После этого он сменил название на Neverland Valley Ranch, или Неверленд, как *дань уважения* Неверленду из книги о Питере Пэне. Первоочередной задачей для Майкла было построить на участке собственный парк развлечений, включающий карусель, гигантскую горку, железную дорогу с поездом и даже колесо обозрения. С теми деньгами, что он имел, он мог осуществить практически все, что хотел... и поступил именно так.

Райский уголок купается в зелени. Старомодные ветряные мельницы венчают пейзаж. В величии присутствует утонченная плавность; тысячи деревьев отбрасывают мягкие тени на великолепно ухоженные газоны, искусственное голубое озеро площадью пять акров (20,2 км²) с бесшумным пятифутовым водопадом и изящным мостом. Именно здесь, среди бесконечной тишины тихой, холмистой, идиллической сельской местности, Майкл Джексон создал собственный мир, убежище, чтобы оградить себя от постоянного давления и преследующих его проблем.

В двух тысячах миль к востоку, в грязном промышленном городе Гэри, штат Индиана, на углу стоит небольшой дом с двумя спальнями и одной ванной, облицованный кирпичом и алюминием. Собственность на Джексон-стрит, 2300, имеет около ста футов (около 30 м) в глубину и пятьдесят футов (около 15 м) в ширину. Нет ни гаража, ни зеленой травы. Густые клубы дыма поднимаются вверх от близлежащих заводов; он проникает в атмосферу таким образом, что человек, дышащий воздухом, чувствует себя немного... нездоровым. В 1950 году

Джозеф и Кэтрин Джексон, родители Майкла, купили этот дом за 8500 долларов с первоначальным взносом в 500 долларов.

В том преимущественно черном районе будущий король поп-музыки провел детство, здесь же выросли его братья и сестры: Морин, Джеки, Тито, Джермейн, Ла Тойя, Марлон, Джанет и Рэнди.

Как и большинство родителей, Джозеф и Кэтрин хотели, чтобы их дети были успешны. В начале 1950-х лучшее, что они могли дать отпрыскам, – это две спальни и одна ванная на одиннадцать человек да одежда и обувь из секонд-хенда. Супруги надеялись, что после окончания средней школы старшие найдут постоянную работу, возможно на заводе... если только не смогут добиться большего.

Однако когда Джексоны обнаружили в детях музыкальные таланты, их мечты стали смелее: они решили, что мальчики с редкими вокальными и танцевальными способностями будут выигрывать конкурсы, и тогда их заметят.

Как только сыновья записали первые альбомы, воображение родителей разыгралось: большое поместье в Калифорнии; прислуга на побегушках; шикарные автомобили каждому; костюмы-тройки, кольца с бриллиантами и культ личности Джозефа; норковые шубы, драгоценности и выход в свет Кэтрин. Они мечтали, как включат телевизор и увидят своих знаменитых детей исполняющими собственные хиты для восторженной толпы. Джексоны полагали, что благодаря известности мальчиков вся семья станет узнаваема, востребована, будет позировать фотографам, раздавать автографы. Они *все* станут звездами и заживут в чудесном мире. Больше никаких забот, обо всем уже позаботился счастливый случай.

Не слишком ли многого они хотели? На тот момент все это наверняка казалось хорошей идеей. Однако, как гласит мудрость, бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться.

Джозеф и Кэтрин

Джозеф Уолтер Джексон родился 26 июля 1929 года в семье Сэмюэля и Кристал Джексон в Фаунтин-Хилл, штат Арканзас. Он был старшим из пяти детей; его сестра Верна умерла в возрасте семи лет. Сэмюэль, учитель средней школы, был суровым неуступчивым человеком, который воспитывал детей железной рукой. Им не разрешалось общаться с друзьями за пределами дома. «В Библии сказано, что плохое общество негативно влияет на юные умы», – объясняла им Кристал.

«Сэмюэль Джексон любил свою семью, но был замкнут, и до него с трудом получалось достучаться, – вспоминал один из родственников. – Он редко проявлял теплоту к близким, поэтому его не понимали. Люди думали, что он толстокожий, но Сэм был чувствительным человеком, не знавшим, как выразить свои эмоции. Джозеф во многом унаследовал поведение отца».

Сэмюэль и Кристал развелись, когда Джозеф был подростком. Сэм переехал в Окленд, взяв с собой сына, а Кристал увезла брата и сестер Джозефа в Восточный Чикаго. Когда Сэмюэль женился в третий раз, Джозеф решил присоединиться к матери, брату и сестрам в Индиане. Он бросил школу в одиннадцатом классе и стал боксером, участвующим в любительском турнире «Золотые перчатки»¹. Вскоре после этого на вечеринке по соседству он повстречал Кэтрин Эстер Скруз. Она была хорошенькой миниатюрной девушкой. Джозефа привлекли ее приветливый характер и теплая улыбка.

Кэтрин родилась 4 мая 1930 года, ее окрестили Кэтти Б. Скруз в честь тети по отцовской линии. (В детстве малышку звали Кейт или Кэти, так же сейчас к ней обращаются близкие.) Девочка родилась в семье Принса Альберта Скруз и Марты Апшоу в округе Барбур, в нескольких милях от округа Рассел, штат Алабама. Этот сельский фермерский район был домом для ее семьи на протяжении поколений. Ее родители поженились, а в 1931 году у них родился еще один ребенок, Хэтти.

Принс Скруз работал на семинолской железной дороге, а также арендовал хлопковую ферму, как когда-то дед и прадед Кэтрин, Кендалл Браун. Тот, что каждое воскресенье пел в церкви округа Рассел и прославился благодаря своему голосу, а раньше был рабом в семье Скрузов в Алабаме. Их фамилию в итоге он взял себе.

«Люди говорили мне, что, когда открывались окна церкви, голос моего прадеда разносился по всей долине, – вспоминала Кэтрин. – Он просто перекрывал все остальные голоса. И когда я это услышала, то сказала себе: „Наверное, это у нас в крови”».

Когда Кэтрин было восемнадцать месяцев, она заболела полиомиелитом, который в то время часто называли детским параличом, часто поражающим детей. Тогда еще не существовало вакцины, и многие малыши – как, например, сестра Джозефа Верна – умерли от этого заболевания либо навсегда остались калеками.

В 1934 году Принс Скруз переехал с семьей в Восточный Чикаго, штат Индиана, в поисках постоянной работы. Он работал на сталелитейных заводах, прежде чем найти работу носильщиком у Пуллмана на Центральной железной дороге Иллинойса. Меньше чем через год Принс и Марта развелись; Марта осталась в Восточном Чикаго с маленькими дочерьми.

Из-за полиомиелита Кэтрин превратилась в застенчивого и замкнутого ребенка. Ее часто дразнили одноклассники. Она не вылезала из больниц. Не имея возможности окончить среднюю школу, она пошла на курсы для взрослых и все-таки получила аттестат. До шестнадцати лет она носила корсет или использовала костыли. Сегодня женщина по-прежнему прихрамывает.

¹ Самый престижный турнир по любительскому боксу, проходящий на территории США. (Прим. ред.)

Ее светлые детские воспоминания всегда были связаны с музыкой. Вместе с сестрой Хэтти они выросли, слушая по радио музыкальные передачи в стиле кантри и восхищаясь такими звездами, как Хэнк Уильямс и Эрнест Табб. Они были членами школьного оркестра, церковного юношеского оркестра и школьного хора. Кэтрин, певшая еще и в местной баптистской церкви, мечтала о карьере в шоу-бизнесе: сначала она хотела стать актрисой, потом – вокалисткой.

Встретив Джозефа, Кэтрин сразу же влюбилась. В тот момент он был женат на другой, но это не продлилось больше года. После его развода Кэтрин и Джозеф начали встречаться, и вскоре пара обручилась. Она была окутана его чарами, покорена его харизмой, обезоружена его обаянием, его внешностью, его силой. Парень был весьма властным, стараясь контролировать абсолютно все, и девушка почувствовала, что будет с ним как за каменной стеной. Кэтрин нравились его истории, она смеялась над его шутками. У Джозефа были большие, широко расставленные глаза необычного карего цвета, почти изумрудные. Глядя в них, она забывала обо всем; и это было именно то, чего ей хотелось. Как говорила сама Кэтрин: «Я абсолютно потеряла голову».

Во многом они были противоположностями: Кэтрин – мягкая, Джозеф – суровый; Кэтрин – разумная, Джозеф – вспыльчивый; она – романтическая, он – прагматичный. Однако в остальном химия была на их стороне.

Они оба были музыкантами: Джозеф – гитаристом-блюзменом, Кэтрин – поклонницей кантри, игравшей на кларнете и фортепиано. В период ухаживаний холодными зимними вечерами возлюбленные прижимались друг к другу и пели рождественские гимны. Иногда они сочиняли гармонии, благодаря красивому сопрано Кэтрин композиции выходили на ура. Майкл Джексон чувствовал, что унаследовал свои певческие способности от матери. Он рассказывал, что его самые ранние воспоминания – как мать держала его на руках и пела «Ты мое солнце» («You Are My Sunshine») и «Хлопковые поля» («Cotton Fields»).

5 ноября 1949 года в Краун-Пойнте, штат Индиана, мировой судья поженил двадцатилетнего Джозефа и девятнадцатилетнюю Кэтрин после шестимесячной помолвки.

Женщина рассказывала, что на нее так повлиял развод родителей и жизнь в неблагополучной семье, что она пообещала себе: как только найдет мужа, то останется замужем, независимо от трудностей, которые встретятся им на пути. Хотя, что касается Джозефа, казалось, ей не о чем было беспокоиться. Он относился к ней уважительно и был очень внимателен. Ей нравилось общество мужа; он мог рассмешить ее так, как никто и никогда раньше. Важно отметить и то, что между ними существовала сильная сексуальная связь. Джозеф был страстным человеком; как и Кэтрин, хоть и в меньшей степени. Однако молодые люди были влюблены, подходили друг другу, и это работало на них.

Молодожены поселились в Гэри, штат Индиана. Их первый ребенок, Морин по прозвищу Ребби (произносится как Рйби), родился 29 мая 1950 года. Остальная часть потомства не заставила себя долго ждать. 4 мая 1951 года, в двадцать первый день рождения Кэтрин, она родила Зигмунда Эско по прозвищу Джеки. Два года спустя, 15 октября 1953 года, родился Тариано Адарил; его звали Тито. За ним последовали: Джермейн Ла Жуан 11 декабря 1954-го; Ла Тойя Ивонн 29 мая 1956-го; Марлон Дэвид 12 марта 1957-го (один из недоношенных близнецов; второй, Брэндон, умер почти сразу после рождения); Майкл Джозеф 29 августа 1958 года (по словам матери, «со смешной головой, большими карими глазами и длинными руками»); Стивен Рэндалл 29 октября 1961-го и, наконец, Джанет Дамета 16 мая 1966 года.

Начало

Для начала поговорим о тесноте... Когда-то, в забытые богом времена, все одиннадцать членов семьи Джексонов жили на Джексон-стрит, 2300. «Пройдя пять шагов от входной двери, вы оказывались у заднего выхода, – говорил Майкл о доме. – Дом на самом деле был не больше гаража».

Кэтрин и Джозеф занимали спальню с двуспальной кроватью. Мальчики ютились во второй и последней спальне в доме на трехместной двухъярусной кровати: Тито и Джермейн делили кровать наверху, Марлон и Майкл – посередине, а Джеки спал внизу в одиночестве. Три девочки спали на раскладном диване в гостиной. Когда родился Рэнди, он поселился на втором диване. В особенно холодные зимние месяцы семья собиралась вместе на кухне перед открытой духовкой.

«Для всех нас находилась работа по дому, – вспоминает Джермейн. – Всегда было чем заняться – натереть полы, помыть окна, заняться работой в саду. Тито мыл посуду после обеда. Я ее вытирал. Ребби, Джеки, Тито и я занимались глажкой, и нас не выпускали из дома, пока мы не заканчивали работу. Мои родители верили, что труд облагораживает. Мы рано познали чувство удовлетворения от проделанной работы».

Джозеф работал крановщиком на заводе Inland Steel в Восточном Чикаго с четырех часов до полуночи. Одно из ранних воспоминаний Майкла об отце – как он возвращается с работы с большим пакетом глазированных пончиков для всех. «Работа была тяжелой, но стабильной, было грех жаловаться», – говорил Джозеф. Однако денег никогда не хватало. Джозеф редко зарабатывал больше шестидесяти пяти долларов в неделю, несмотря на регулярную подработку сварщиком. Семья научилась так жить. Кэтрин сама шила детям одежду или закупалась в магазине Армии Спасения. Они ели простую пищу: на завтрак – бекон и яйца; на обед – сэндвичи с яйцом и болонской колбасой, иногда томатный суп, на ужин – рыбу и рис. Кэтрин любила печь на десерт персиковые коблеры и яблочные пироги.

Сохранилось мало школьных фотографий детей Джексонов, потому что они не могли себе позволить купить их после того, как позировали. Первые пять лет, что они жили на Джексон-стрит, в семье не было телефона. Когда в четыре года Джермейн заболел нефритом, воспалением почек, и его госпитализировали на три недели, это сильно ударило по Кэтрин и Джозефу как в финансовом, так и в эмоциональном плане.

Всякий раз, когда мужчину увольняли, он подрабатывал, собирая картофель, и тогда семья досыта наедалась картофеля, вареного, жареного или печеного.

«Я не был доволен, – вспоминал Джозеф Джексон. – Что-то внутри меня подсказывало, что в жизни есть нечто большее. Сильнее всего на свете я хотел найти путь в музыкальный бизнес». Вместе с братом Лютером и тремя другими музыкантами они образовали ритм-н-блюз-группу The Falcons, обеспечивавшую дополнительный доход их семьям за счет выступлений в небольших клубах и барах. Трое старших сыновей Джозефа – Джеки, Тито и Джермейн – были очарованы музыкой, которую играл их отец, и присутствовали на домашних репетициях. (Майкл, впрочем, The Falcons не помнит.)

Тем не менее The Falcons не имели коммерческого успеха. Когда они распались, Джозеф спрятал свою гитару в спальне в шкафу. Этот струнный инструмент был единственным свидетелем его несбывшейся мечты, и он не хотел, чтобы кто-нибудь из детей прикасался к нему. Майкл называл кладовку «священным местом». Иногда Кэтрин снимала гитару с полки и играла на ней детям. Они собирались в гостиной и все вместе пели песни в стиле кантри: Wabash Cannonball и The Great Speckled Bird.

После того как группа распалась, Джозеф не находил себе места. Работая дополнительную смену на Inland Steel и дневную смену на American Foundries, он знал только, что хочет

лучшего для себя и своей семьи. Это было в начале 1960-х, и «все, кого мы знали, были участниками вокальных групп», – вспоминал Джеки. «Как будто пойти и присоединиться к группе было неким обязательным жизненным этапом, – продолжал он. – Создавались бэнды и вокальные группы. Я хотел быть в вокальной группе, но нам не разрешали тусоваться с другими детьми. Тогда мы начали распевать на весь дом. Вскоре у нас сломался телевизор, и мама уже сама стала заставлять нас петь. А однажды, когда отец ушел на работу, мы прокрались в его спальню и взяли ту самую гитару».

«Я тоже играл на ней, – признавался Тито. – Мы были вместе с Джеки и Джермейн. Пели, разучивали новые песни, а я играл. Однажды пришла мама, и мы разом замерли, типа „ой-ой, нас застукали“, но она ничего не сказала. Просто разрешила нам продолжать».

«Я не хотела мешать им, потому что это было очень талантливо», – объясняла Кэтрин позже.

Так продолжалось несколько месяцев, пока однажды Тито не порвал струну на гитаре. «Я знал, что у меня будут проблемы, – вспоминал он. – У *всех нас* будут проблемы. Отец был суровым человеком, и мы его боялись. Поэтому я спрятал гитару обратно в шкаф и надеялся, что он не догадается о том, что произошло. Но папа догадался и *унизил* меня – выпорол. Несмотря на то что мать солгала, будто разрешила мне играть на гитаре». Когда Тито рассказывает эту историю, голос не слушается его, он становится сдавленным. Спустя много лет все еще чувствуются его переживания. «Она просто не хотела, чтобы меня порол, – произносит он с грустью. – Только не это».

«Когда отец остыл после случившегося, он вошел в комнату. Все еще плача на кровати, я произнес: „Знаешь, я ведь могу играть на той штуке. Я правда умею“. Он посмотрел на меня и сказал: „Хорошо, покажи, что ты умеешь, умник“. И я сыграл. А Джермейн и Джеки подпевали. Джозеф был поражен. Он понятия не имел, ведь это был страшный секрет, который мы скрывали от него, потому что очень сильно его боялись».

Позже Джозеф признался, что момент, когда сыновья открыли ему свой талант, принес ему огромную радость. «Я решил оставить музыку сыновьям, – сказал он много лет спустя. – У меня была мечта, связанная с ними. Я представлял, как дети будут радовать публику, делясь своим талантом, возможно унаследованным от меня». Казалось, оглядываясь в прошлое, он был тронут собственными словами. «Я просто хотел, чтобы они кем-то стали. Это все, чего я хотел», – добавил он.

На следующий день Джозеф ушел на работу и той же ночью вернулся домой, что-то пряча за спиной. Он подозвал Тито и протянул ему коробку. В ней была красная электрогитара. «А теперь давайте порепетируем, мальчики», – сказал Джозеф, широко улыбаясь. Он собрал троих сыновей – девятилетнего Джеки, семилетнего Тито и шестилетнего Джермейна, – и они играли все вместе. «Мы никогда не были так близки, – вспоминал Тито. – Как будто наконец нашли что-то общее. Марлон и Майк наблюдали за нами, сидя в углу. Мама давала советы. Я заметил, что родители были счастливы. Мы все были счастливы. Мы обнаружили нечто особенное».

В 1960-е годы жизнь в Гэри была суровой, и район Джексон-ов подчас оказывался опасным местом для молодежи. Кэтрин и Джозеф жили в постоянном страхе, что один из их детей пострадает на улице. «Родители всегда защищали нас, – вспоминал Джеки. – Нам никогда не разрешали веселиться на улице, как другим детям. У нас был строгий комендантский час. Только в школе нам представлялась редкая возможность поиграть со сверстниками. Нам нравилось то, что в школе мы можем общаться с другими ребятами».

Кэтрин Джексон, оказывавшая значительное влияние на детей, передала им глубокое и непреходящее уважение к отдельным религиозным убеждениям. Она была баптисткой, а затем лютеранкой, но отвернулась от обеих религий по одной и той же причине: узнала, что у некоторых служителей церкви были внебрачные связи. Когда Майклу было пять лет, Кэтрин стала

членом «Свидетелей Иеговы»², в новую религию ее обратил коммивояжер. Она крестилась в 1963 году в бассейне школы Рузвельт в Гэри. С тех пор женщина просила, чтобы каждое воскресенье родные надевали лучшие костюмы и шли с ней в Зал Царства, место культа. Джозеф, воспитанный в лютеранской вере, пару раз сопровождал жену, чтобы успокоить ее, но перестал это делать, когда дети были еще маленькими, потому что, как говорит Марлон, «там было скучно». Со временем Майкл, Ла Тойя и Ребби станут самыми преданными адептами своей религии.

Будь это любая другая организация, а не «Свидетели Иеговы», Майкл Джексон, вероятно, стал бы совершенно другим человеком. Идеология «Свидетелей Иеговы» настолько отличалась от привычного протестантизма, что иногда их считали сектой, особенно в 1950—1960-е годы. Независимо от места жительства, ни один последователь «Свидетелей» не будет салютовать флагу (они воспринимают это как идолопоклонство) или служить в каких-либо вооруженных силах (любой член организации считается священнослужителем и, следовательно, освобожден от воинской повинности). Они не празднуют Рождество, Пасху или дни рождения. Обычно они не жертвуют деньги кому-либо за пределами своей церкви, потому что считают проповедование Евангелия самым стоящим благотворительным делом. Члены «Свидетелей Иеговы» периодически оказываются в новостях, потому что отказываются от переливания крови для себя или своих детей, независимо от тяжести болезни.

Согласно учению люди, вступившие в организацию, могут считаться «овцами»; все остальные – «козлами». Когда же начнется Армагеддон – великая битва ожидалась в 1972 году, а затем в 1975 году, – в одно мгновение все «козлы» будут уничтожены, а «овцы» спасены. Затем последние воскреснут к жизни на земле как подданные Царства Божьего. Ими будут править Христос и избранная группа из 144 000 «свидетелей», живущих на небесах подле Христа. По прошествии тысячи лет Сатана придет искушать живущих на земле. Тех, кто поддастся его хитростям, немедленно уничтожат. Остальные будут жить в полной идиллии. Конечно, как и те, кто придерживается определенных религиозных убеждений, некоторые члены организации более категоричны в отношении идеологии, чем другие.

По оценкам, от 20 до 30 % членов «Свидетелей Иеговы» – чернокожие. Людей судят исключительно по их добрым делам – миссионерству или хождению по домам и обращению в веру, – а не по новым машинам, большим домам, дорогой одежде и другим признакам высокого положения в обществе. Из-за своей преданности «Свидетелям Иеговы» Кэтрин в основном была довольна тем, что имела. Она радовалась жизни. Беспокоило ее только одно: город не обещал иного будущего для ее детей, кроме как работа на заводах для мальчиков и домашнее хозяйство для девочек. Так ли уж это плохо? Да, говорил ей Джозеф, безусловно. Иногда его жена соглашалась с ним. А иногда и не знала, что думать.

Каждый день, хотели они того или нет, мальчики репетировали по меньшей мере три часа: единственной мыслью Джозефа было увезти свою семью из Гэри.

«Когда я узнал, что мои дети хотят стать артистами, я действительно занялся ими, – уверял Джозеф Джексон в интервью Time. – Когда другие играли на улице, мои мальчики работали дома, пытались научиться чему-то в жизни, добиться своего».

Занятия музыкой, возможно, и сплотили Джексонсов как семью, но вместе с тем создали пропасть между Джексонами и их соседями. «Люди и без того считали нас странными из-за религии, – вспоминал Джеки. – А потом упрочили свое мнение. Они говорили: „Эй, посмотрите на этих Джексонсов. Они думают, что они особенные“. Все остальные тогда собирались то там, то сям и пели со своими группами. Но нам было нельзя. Приходилось тренироваться дома. Поэтому другие ребята думали, что мы слишком задирали нос, чтобы петь с ними на углу».

² Запрещенная в РФ организация. (Прим. ред.)

Репетиции по-прежнему проводились дважды в день, до школы и после нее, даже несмотря на то, что соседи считали, что Джексон зря теряет время. Пока они репетировали, через открытые окна доносились голоса с улицы: «Эй, Джексон, да вы – *ничто!*» В гостиную швыряли камни. Однако Джексон это не волновало: они не обращали внимания на насмешки и продолжали репетировать, несмотря ни на что.

В 1962 году к группе присоединился пятилетний Марлон, он играл на бонго и пел, в основном мимо нот. (Марлон не умел ни петь, ни танцевать, но его все равно приняли в группу, потому что Кэтрин не позволила бы поступить с ним иначе.) Однажды, когда мальчики упражнялись, пока Джозеф был на работе, женщина наблюдала, как четырехлетний Майкл начал копировать Джермейна, исполнявшего песню Джеймса Брауна. Когда Майкл запел, его голос был таким сильным и чистым, что это поразило Кэтрин. Как только Джозеф вернулся домой, она уже ждала его у дверей, чтобы сообщить хорошую новость: «Я думаю, у нас есть еще один солист».

Джозеф бьет Майкла

Сегодня Майкл Джексон часто говорит о жестоком обращении, которому он подвергался со стороны отца. Когда в 2003 году во время неоднозначного интервью Мартину Баширу он вспомнил, как к нему относился папа, на глазах его мгновенно выступили слезы. «Это было ужасно, – говорил он о побоях, – просто ужасно». Наблюдая за Майклом, мыслями возвращавшимся в Гэри в те времена, когда отец бил его, испытываешь боль и сострадание. Без сомнения, спустя годы он все еще находится под влиянием детских травм.

Маленький Майкл был очаровательным ребенком. «Уже с ранних лет Майкл казался мне не похожим на остальных детей, – говорила Кэтрин. – Я не верю в реинкарнацию, но вы же знаете, как дискоординированно двигаются младенцы? А Майкл никогда так не двигался. Он «танцевал», словно взрослый человек».

Майкл всегда был развит не по годам. Его мать вспоминала, что в полтора года он держал бутылку и танцевал в ритме стиральной машины. Его бабушка Кристал Джонсон (позднее ее имя по замужеству) упоминала, что он начал петь, когда ему было около трех лет. «И что это был за чудесный голос, – восторгалась она. – Уже тогда его было приятно слушать».

Майкл был слишком чувствительным мальчиком, чтобы с ним обращались так, как его отец. Кроме того, он был очень проворным и принял решение избегать ссор с Джозефом. Тито вспоминал, что Майкл был «настолько быстр, что, если бы мать или отец в те времена замахнулись на него, он бы моментально убрался с их пути. Они бы просто промахнулись».

Джозеф верил, что грубая сила – ценный и полезный инструмент дисциплины. «Либо ты в жизни победитель, либо проигравший, – любил говорить он. – Ни один из моих детей не будет проигравшим». Он не задумываясь бил детей, чтобы удержать их на правильном пути к «победам». Для него было обычным делом размазать кого-то по стене, особенно когда речь шла о мальчиках. Между тем именно Майкл стал единственным ребенком в семье, который пытался отвечать, когда его провоцировал отец. Однажды, когда ему было всего три года, Джозеф за что-то отшлепал его. Рыдая, Майкл снял с себя ботинок и швырнул его в отца. Джозеф пригнулся, ботинок пролетел мимо.

«Ты с ума сошел? – крикнул мужчина. – Сопляк, ты только что подписал себе смертный приговор. А ну, иди сюда!»

В ярости Джозеф схватил Майкла и, по словам Марлона, держа его за одну ногу вниз головой, снова и снова ударял рукой, целясь по спине и ягодицам. Вскоре вопли и плач стали так пронзительны, что могло показаться, будто ребенок пытается призвать на помощь всю округу.

«Отпусти его, Джозеф, – вскрикнула Кэтрин. – Ты же убьешь его! Ты его убьешь!!!»

Когда отец отпустил мальчика, тот побежал в свою комнату и произнес, рыдая: «Я ненавижу тебя». Это оскорбило Джозефа. Он последовал за Майклом в спальню, захлопнул дверь и снова хорошенько задал ему.

«Как-то Джозеф запер сына в шкафу на несколько часов, – вспоминает друг семьи Джексон. – Это был ужасный, травмирующий опыт».

Кэтрин не знала, как примириться с отношением мужа к детям. Как мог мужчина, который временами был настолько нежным, что целовал кончики ее пальцев, меняться до неузнаваемости и бить детей? Его поведение было за гранью понимания богобоязненной женщины, но она не знала, что делать. Как бы она ни любила его, она боялась его. Время от времени она подавала голос, но делала это неохотно.

По правде говоря, Кэтрин также была мишенью для ярости Джозефа. Когда родилась Ребби, тот вечно находился на грани из-за постоянного недосыпания и тяжелого рабочего графика. В один день, вернувшись домой, он обнаружил плачущего ребенка и увидел, что Кэтрин

разговаривает с кем-то из соседей. Он выбежал за ней. «Ребенок орет во всю глотку», – закричал он. Кэтрин сразу же вернулась к малышке. «Мне очень жаль, Джозеф, – сказала она. – Я не знала, что она проснулась». Джозеф резко обернулся и ударил жену по лицу. «Моя щека онемела», – вспоминает Кэтрин. Ее реакция была мгновенной и яростной. Она взяла керамический подогреватель для бутылочек и швырнула в него вместе со всем содержимым. Прибор попал ему в предплечье и, расколовшись, оставил глубокий порез. Пока они спорили, из раны хлынула кровь. «Никогда больше не поднимай на меня руку, – предупредила его жена, – или не успеешь оглянуться, как я брошу тебя». Кэтрин говорит, что тот раз стал первым и последним, когда Джозеф ударил ее, но, по всей видимости, он обратил свой вспыльчивый характер на детей.

Когда Майклу было пять лет, он направлялся в комнату, как вдруг у него перехватило дыхание: Джозеф поставил ему подножку, и мальчик упал, окровавленный. «Это за то, что ты сделал вчера, – сказал отец. – А завтра ты получишь от меня за то, что натворишь сегодня».

Майкл заплакал. «Но я еще даже ничего не сделал», – пролепетал он сквозь слезы.

«Но ведь сделаешь, мой мальчик, – возразил Джозеф, – обязательно сделаешь».

С того самого дня когда бы маленький Майкл ни входил в комнату, он смотрел сначала налево, затем направо, как будто переходил улицу. Ребенок старался не встречаться лишний раз с отцом. Как мальчику жилось с таким страхом? «Я начал так сильно бояться этого человека, – вспоминал Майкл позже. – На самом деле, думаю, можно с уверенностью сказать, что я его ненавижу».

Певец говорил: «Отец всегда был для меня загадкой, и он это знает. Одна из вещей, о которой я жалею больше всего, – я никогда не мог почувствовать настоящую близость с ним». Честно говоря, ни один из детей Джексонсов никогда не знал «настоящей близости» с Джозефом, который почти не проявлял нежности. Иногда он брал мальчиков в походы и на рыбалку по выходным или учил их боксировать, чтобы они умели защитить себя, но никогда не обращал особого внимания на девочек. (В детстве Джанет любила залезать в кровать с матерью и отцом, но ей приходилось ждать, пока Джозеф уснет.)

Методы воспитания старшего Джексона были, мягко говоря, нетрадиционными. Всякий раз, когда мальчики оставляли окно своей спальни открытым на ночь, он выходил на улицу и забирался в их комнату, а затем кричал на них что есть мочи... лицо его скрывала страшная маска. Самые маленькие начинали плакать и задыхаться, напуганные до полусмерти. Почему отец так травмировал малышей? Джозеф объясняет, что он пытался продемонстрировать, почему нельзя оставлять окна открытыми на ночь. В конце концов, что, если грабитель проникнет в дом? Спустя много лет Майкл и Марлон все еще будут страдать от ярких ночных кошмаров о том, как их похищают из безопасных спален.

Достаточно сказать, что чем старше становился Майкл, тем сильнее он отстранялся от Джозефа, держась за мать, которую он боготворил, как будто от этого зависела сама его жизнь (возможно, так оно и было). «Даже имея девять детей, она относилась к каждому из нас как к единственному ребенку, – вспоминал он в 1991 году. – Благодаря нежности, теплоте и вниманию Кэтрин я и представить себе не могу, каково расти без материнской любви. [Любопытное заявление, учитывая, что оба его ребенка сегодня воспитываются без матери, Дебби Роу.] Ее уроки, преподанные нам, были бесценными. На первом месте для нее были доброта, любовь и внимание к другим людям».

Что же насчет Джозефа? «Меня тошнило всякий раз, когда я думал о нем», – подытоживал Майкл. В своем интервью Мартину Баширу в 2003 году он сказал, что у Джозефа голубые глаза. Видимо, они очень давно не встречались взглядами, так как глаза старшего Джексона ореховые, почти зеленые.

Забираясь на вершины

В 1963 году, в возрасте пяти лет, Майкл Джексон пошел в начальную школу Гарнетта. Кэтрин рассказывала, что он был до такой степени щедрым, что, случалось, брал украшения из ее комода и дарил их учительницам, выражая тем самым свои симпатии. Будучи упрямым, мальчик продолжал поступать так даже после того, как мать наказала его за то, что он раздавал ее личные вещи.

Одно из первых воспоминаний Майкла связано с его выступлением в пятилетнем возрасте, когда он а капелла исполнил для класса песню *Climb Ev'ry Mountain* из культового мюзикла «Звуки музыки». Не меньшее впечатление, чем талант, на детей произвела его уверенность в себе. Он сорвал овации. Учительница прослезилась. Кэтрин пришла на представление вместе с отцом Джозефа, Самюэлем, который был не самым сентиментальным человеком, но даже он был тронут до слез проникновенным выступлением Майкла. «Я не знаю, откуда у него это взялось, – говорила Кэтрин о певческом мастерстве сына. – Он был так хорош, так юн. Некоторые дети особенные, и Майкл один из них».

Пятилетний мальчик обладал такой энергией и харизмой, что Джеки, которому в то время было двенадцать, решил, что его младший брат станет лидером их бэнда. Для Майкла все было совершенно естественно, ему нравилось быть в центре внимания. Однако чувства Джермейна оказались задеты. Он являлся солистом группы и вдруг внезапно стал недостаточно хорош. Некоторые члены семьи предполагали, что одной из причин, по которой он заикался в детстве, была неуверенность в себе. Тем не менее Джермейн поддержал решение семьи, потому что Майкл явно был прирожденным артистом. В то же время стоит отметить, всегда казалось, что Джермейн соперничал с братом, часто пытаясь превзойти его, особенно будучи взрослым.

«Он стал великим маленьким подражателем, – вспоминал Джермейн. – Стоило ему что-нибудь увидеть, какой-то детский танец или, скажем, Джеймса Брауна по телевизору, – и вы получали точную копию. Майкл выучивал все наизусть и точно знал, как это использовать. А еще он любил танцевать. Марлон был хорошим танцором, может быть даже лучше Майка. Но Майку танцевать нравилось больше. Дома он постоянно репетировал. Всегда можно было застать его танцующим перед зеркалом. Он уединялся, чтобы тренироваться, а затем возвращался и показывал нам новое движение. Мы включили его в выступление. Майкл начал ставить хореографию наших номеров».

«Наконец-то пришло время принять участие в конкурсе талантов, – говорил Майкл. – Я помню все, словно это было вчера. Все в округе хотели попасть на шоу и выиграть приз. Мне было лет шесть, но уже тогда я понял, что ничего не дается просто так. Ты должен выиграть. Или, как пел Смоки Робинсон в одной из своих песен: „Ты должен заслужить“. Мы участвовали в конкурсе талантов в средней школе Рузвельта в Гэри. Спели песню *My Girl* The Temptations и взяли главный приз».

Мальчики также представили свое исполнение хита Роберта Паркера *Barefootin'*. Во время проигрыша в середине песни маленький Майкл скинул обувь и начал танцевать босиком по всей сцене на радость публике.

«Вскоре мы начали выигрывать все шоу талантов, в которых участвовали, – отмечал Майкл. – Просто двигались от одного конкурса к другому, забираясь все выше и выше. Весь дом был полон наград, и мой отец был очень горд. Наверное, именно там, в Гэри, когда мы выигрывали все эти конкурсы, я видел своих родителей по-настоящему счастливыми. Я думаю, что тогда, в самом начале, когда у нас за душой не было ничего, кроме нашего таланта, мы были наиболее близки».

К 1965 году Джозеф зарабатывал всего около 8 тысяч долларов в год, работая на заводе полный рабочий день. Кэтрин подрабатывала продавщицей в сети универмагов *Sears*. Когда

Джозеф захотел тратить больше денег на группу (на музыкальное оборудование, усилители, микрофоны), жена забеспокоилась.

«Я боялась, что мы пытаемся прыгнуть выше головы», – вспоминала она. У них были серьезные разногласия по поводу финансов. «Я разглядел огромный потенциал в своих сыновьях, – заявил Джозеф в свою защиту. – Ну да, я переборщил. Вложил много денег в инструменты, хотя жили мы тогда более чем экономно. Мы с женой горячо спорили об этих „тратах“, как она говорила. Кэтрин кричала, что деньги нужно тратить на еду, а не на гитары и барабаны. Но я был главой семьи, и последнее слово было за мной. Я пренебрег ее мнением. Черные люди привыкли бороться и сводить концы с концами. В этом не было ничего нового ни для меня, ни для кого-либо из нас. Когда я оказался в затруднительном положении, мои дети научились беречь деньги. У них просто не было выбора. Мы старались сохранить каждый пенни, питаясь потрохами и капустой. Я говорил им, что мы употребляем духовную пищу и она помогает нам исполнять настоящий соул. Мы пытались двигаться вперед, пытались вырваться. Я не мог представить, чтобы что-то встало на нашем пути».

В конце концов, они с Кэтрин выдерживали любые ссоры. После ругани Джозеф наклонялся и нежно целовал ее в губы. Он мог быть на удивление нежным. Позже женщина призналась, что дрожала всякий раз, когда тот применял романтическую тактику; супруг всегда мог урезонить ее таким образом. «Джозеф убедил меня, что мальчики того стоят, – вспоминала она. – Никто никогда не верил в своих сыновей больше, чем мой муж. Он часто говорил мне: „Если бы потребовалось, я бы потратил на парней свои последние десять центов“».

Вскоре Джозеф повез детей на конкурс талантов в Чикаго – город, сочащийся сенсационным соулом 1960-х и полный такими талантами, как Кертис Мэйфилд, The Impressions, Джерри Батлер и Мейджор Ланс. Джозеф, возможно, и не был шоуменом, но определенно понимал, что такое шоу. Он научил мальчиков всему, что знал благодаря личному опыту, наблюдениям и интуиции: как обращаться с публикой и завоевывать ее. «Невероятно, как он разбирался во всем. Он был лучшим учителем, который у нас когда-либо был», – признавал Майкл.

«Но отец не был способен делать все с легкостью, – отмечал певец. – Как-то он сказал: „Ты делаешь неправильно, нужно *вот так*“. Потом он ударил меня, что только усложнило задачу. Еще он говорил: „Делай как Майкл“, – и ставил меня в пример. Я ненавидел это. Я не хотел быть примером, я не хотел, чтобы меня выделяли. Братья смотрели на меня со злостью, потому что не могли повторить за мной. То, что Джозеф делал, было ужасно. Но в то же время он был гениален. Он рассказал мне, как работать со сценой, с микрофоном, какие делать жесты и все прочее. Меня постоянно разрывало на части. С одной стороны, он был ужасным человеком, а с другой – потрясающим менеджером».

Когда группа отыграла первое платное выступление в ночном клубе Гэри под названием «Mr Lucky's», то заработала примерно семь долларов. Затем мальчики начали выступать в других клубах, а завсегдатаи бросали на сцену монеты и купюры. «Мои карманы были просто набиты деньгами, – сказал мне Майкл. – С меня буквально спадали штаны. Я шел и покупал конфеты, много-много конфет для себя и для всех остальных».

Многие соседские мальчишки время от времени сопровождали Джексонов в качестве приглашенных музыкантов, и в 1966 году постоянным членом группы стал барабанщик Джонни Портер Джексон (не родственник). Семья Джонни была дружна с Джексонами, которые со временем стали считать Джонни «кузеном». К группе также присоединился клавишник Ронни Рэнсифер. Мальчики играли в клубах в Гэри и даже в Чикаго; Майкл в свои восемь лет был солистом. Тито играл на гитаре, Джермейн на басу, Джеки был на шейкерах, а Джонни Джексон на барабанах. Марлон подпевал и танцевал, хотя и не был хорошим танцором. (Тем не менее он работал над собой и был настолько настойчив в своем желании преуспеть, что в итоге мог бы посоперничать с Майклом!)

Джексоны возвращались на Джексон-стрит, 2300, в своем фургоне в пять часов утра в понедельник после утомительных выступлений в выходные. По прибытии Джозеф целовал Кэтрин в нос и одаривал ее мальчишеской улыбкой. «Как ты, Кэти?» – в фургоне «Фольксвагена» спрашивал он. Для женщины не было ничего лучше, чем выражение лица ее мужа, когда у мальчиков дела шли хорошо. Это была настоящая радость. Каждый из сыновей обнимал ее. Затем все они спали пару часов, пока Кэтрин распаковывала их чемоданы и готовила особенно щедрый и аппетитный завтрак, прежде чем муж уходил на работу, а дети – в школу.

Несмотря на то что женщина была рада растущему успеху сыновей, она беспокоилась о смене приоритетов в семье. Внезапно музыка стала не просто развлечением, а способом зарабатывать на жизнь. Как будто было нормальным, уже зарабатывая на жизнь, хотеть еще *больше* денег. Как член «Свидетелей Иеговы», Кэтрин ставила добрые дела выше денег. Поэтому была обеспокоена тем, как ликуют мальчики, возвращаясь домой с концерта с карманами, полными мелочи. «Помните, это не главное», – говорила она им. Но какой бы ребенок ей поверил, особенно если мама сама воодушевляла их выигрывать каждое шоу талантов, а следовательно, зарабатывать больше денег?

Свое имя группа The Jackson 5 получила в окрестностях торгового центра в Гэри, штат Индиана. «Я беседовал с моделью по имени Эвелин Лихи, – как-то рассказал мне Джозеф. – Мальчики выступали в универмаге, и она сказала мне после шоу: „Джозеф, я думаю, что The Jackson Brothers звучит старомодно, как The Mills Brothers. Почему бы вам просто не назваться „Пятеркой Джексонов“?“ И правда, почему нет? Мне понравилось такое имя – „Пятерка Джексонов“. Так мы их с тех пор и называли: The Jackson Five».

Вскоре группа стала все чаще выступать в клубах за городом по выходным. Джозеф унавливал багажник для их оборудования на крышу своего «Фольксвагена» и мчал на площадки для чернокожих исполнителей в общенациональной сети The Chitlin' Circuit: театры на две тысячи мест в самом центре таких городов, как Кливленд (штат Огайо), а также Балтимор, Мэриленд и Вашингтон (округ Колумбия). Афиша всегда пестрила именами, и все старательно добивались благосклонности публики. Порой это были исполнители, уже получившие признание, как The Four Tops, но часто на сцене оказывались и неизвестные артисты, например The Jackson 5. Такая система давала возможность новичкам учиться у опытных игроков. После выступления братья расходились кто куда, но Майкл оставался и наблюдал за другими исполнителями. Когда кому-то хотелось найти восьмилетнего певца, они всегда знали, где его искать: за кулисами, где он наблюдает, учится и, как он сам вспоминал, «без преувеличения, фиксирует каждый шаг, каждое движение, каждый поворот, каждый оборот, каждый трюк, каждую эмоцию». Для него это была «лучшая школа».

Постепенно Майкл начал использовать стандартные приемчики и фишки из лучших номеров артистов, выступавших на одной сцене с братьями. Среди них был, например, Джеймс Браун, чьи выступления он постоянно смотрел. (Дайана Росс делала то же самое до того, как The Supremes стали знамениты. Она брала понемногу у всех в Motown Revue!)

«Джеймс Браун научил меня паре вещей, которые он проделывает на сцене, – вспоминал двенадцатилетний Майкл в 1970 году. – Это было несколько лет назад. Он научил меня опускать микрофон и ловить его до того, как он упадет на пол. Мне потребовалось всего около получаса, чтобы научиться этому. Выглядит сложно, но на самом деле проще простого. Все, что я хочу сейчас, – пара лакированных туфель, как у Джеймса Брауна. Но таких для детей не выпускают».

The Jackson 5 выигрывали любительское шоу талантов в чикагском театре Regal три недели подряд, что стало большим успехом для семьи. Мальчики становились более опытными, их стиль – более отточенным, а Майкл обретал уверенность и профессионализм в качестве основного вокалиста. Они играли в Сент-Луисе, Канзас-Сити, Бостоне, Милуоки и Филадельфии. Они не просто выступали на разогреве у The Temptations, The Emotions, The O'Jays,

Джеки Уилсона, Сэма и Дейва, Bobby Taylor & the Vancouvers, но подружились с артистами и из первых уст узнавали, чего стоит ожидать от мира шоу-бизнеса.

Однажды, перед очередным шоу талантов, один конкурсант сказал другому, что им лучше остерегаться The Jackson 5, «потому что у них есть карлик, которого они используют как солиста». Джеки, который подслушал их разговор, не мог перестать смеяться.

Когда об истории узнал Майкл, она его задела. «Я что, виноват, что я самый маленький?» – сказал он, расплакавшись.

Джозеф отвел сына в сторону. «Послушай, Майкл, – сказал он, становясь на колени, чтобы быть с ним одного роста, – ты должен гордиться, что о тебе говорят соперники. Значит, ты на верном пути. Все будет хорошо».

«Вот еще, – возразил Майкл. – Они говорят обо мне плохие вещи».

Джозеф поцеловал сына в макушку – редкий момент проявления нежности. «Это только начало, Майкл, – сказал он с улыбкой, – привыкай».

В августе 1967 года The Jackson 5 приняли участие во всемирно известном любительском шоу в знаменитом Apollo Theater в Гарлеме. В то время работа там была мечтой большинства молодых чернокожих артистов. В книге «Showtime at the Apollo» писатель Тед Фокс заметил: «[Apollo был] не только величайшими подмостками чернокожих, но и особенным местом, где можно было достичь эмоциональной, профессиональной, социальной и политической зрелости». Джозеф и его близкий друг Джек Ричардсон отвезли мальчиков в Нью-Йорк на семейном «Фольксвагене». На тот момент Джеки было шестнадцать, Тито – тринадцать, Джермейну – двенадцать, Марлону – десять, а Майклу только-только исполнилось девять лет. Братья участвовали в конкурсе Superdog Contest, победа в котором считалась самым престижным достижением среди артистов.

Майкл однажды сказал мне: «Выступать в Apollo было сложнее всего. Если вы нравились публике, значит, вы ей действительно *нравились*. А если вы ее разочаровывали, вас забрасывали едой и попавшейся под руку мелочью. Но знаешь что? Мы не боялись. Мы знали, что были хороши. В то время в нас было столько уверенности в себе. На других концертах, которые мы успели отыграть, публика всегда была за нас. Я пел, смотрел на Джермейну, и мы подмигивали друг другу, потому что всегда знали, что зал наш. Я хочу сказать, именно с таким чувством нужно выходить на сцену и использовать данный тебе шанс, понимаешь? К тому же с Джозефом иначе было просто невозможно. Мы хотели доставить ему удовольствие. Я имею в виду, это было так же важно, как победа в любом конкурсе».

За кулисами Apollo The Jackson 5 нашли небольшое бревно, установленное на пьедестале. Оно якобы осталось от легендарного Древа надежды.

По слухам, Древо надежды стояло напротив ночного клуба Connie's Inn, где Луи Армстронг выступал в знаменитой гарлемской версии мюзикла «Hot Chocolates» Фэтса Уоллера. Спустя годы сотни исполнителей становились под деревом и касались его на удачу. Это стало традицией. Когда во время строительства дороги в Нью-Йорке Седьмую авеню расширили, дерево выкорчевали. Однако Билл «Божанглз» Робинсон устроил, чтобы Древо надежды – именно он его так окрестил – переместили на островок безопасности на Седьмой авеню к югу от 132-й улицы. В конце концов дерево срубили; никто не помнит причину, и все, что осталось на месте его последнего пристанища, – мемориальная табличка. Тем не менее небольшая часть Древа надежды осталась красоваться на постаменте за кулисами театра Apollo. Родился обычай всякому дебютанту прикасаться к дереву перед выходом на сцену на удачу. Он встанет в один ряд с теми черными артистами, которые делали невозможное, чтобы воплотить свои мечты в реальность, боролись за уважение, заплатили сполна и в конце концов победили: их раса и их наследие стали неотъемлемой частью американской поп-культуры.

Пьедестал стоял сбоку от сцены, чтобы зрители могли видеть, как артисты касаются его. Был вечер среды, и на афише были заявлены The Jackson 5 и The Impressions, едва ли не самая

популярная вокальная группа того времени. Один из ее основателей, Фред Кэш, однажды поведал мне, как он подошел к девятилетнему Майклу перед выходом братьев на сцену и рассказал ему легенду о дереве. «Вы серьезно? – спросил Майкл Фреда, и его глаза сделались размером с два блюдца. – Вау! Потрясающе. Мне нравится такой обычай. Готов поспорить, он и правда работает».

«Эй, парни, а вы знали об истории с деревом? – спросил Майкл братьев. – Прикоснемся к нему, и нам повезет».

«Не-а. Я не верю в удачу», – невозмутимо сказал Тито.

«Ну а я верю, – возразил Майкл. – Жаль, что я не могу взять бревно с собой домой. Тогда мне бы *всегда* везло».

«Дамы и господа! – объявил ведущий, когда мальчики собрались за кулисами. – Встречайте, The Jackson 5!» Прожекторы осветили сцену. Для The Jackson 5 пришло время занять достойное место в истории. Джозеф с гордостью наблюдал, как каждый из его сыновей касался мемориальной таблички Древа надежды: сперва Джеки, затем Тито, следом Джермейн, Марлон, Майкл и, наконец, «кузен» Джонни. Группа выбежала на сцену под аплодисменты публики. Однако Майкл оказался последним у рамп. Он побежал назад, чтобы еще раз прикоснуться к Древу надежды... на всякий случай. Должно быть, двойное касание сработало: мальчики выиграли конкурс, а восторженная реакция публики стала лучшим доказательством их победы.

«Бедная моя, бедная семья»

Начиная с подросткового возраста публика строила догадки о личной жизни Майкла Джексона. Натурал, гей, а может, и вовсе асексуал? Удивительно, но сексуальные предпочтения исполнителя, излучавшего сексуальную энергию на сцене, всегда оставались загадкой.

В раннем возрасте Майкл получил противоречивую информацию о сексе. Установки Кэтрин были ясными и однозначными: будучи глубоко верующим членом «Свидетелей Иеговы», она считала греховной похоть как в мыслях, так и в делах. Согласно 1 Посланию к Коринфянам 6:9, ни один из неправедных – «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники» – не унаследует Царства Божьего. Следовательно, физическая близость была предназначена только для брака.

В то же время от Джозефа, избегавшего религии, которую исповедовала Кэтрин, мальчики получили противоположное послание. В первые годы существования группы отец приглашал мальчиков в кабаки и стриптиз-бары. Обычно строгий, очевидно, тогда он предоставлял сыновьям полную свободу, позволяя девятилетнему Майклу стоять за кулисами и смотреть, как мужчины свистят и пожирают глазами роскошных женщин, обнажавшихся на сцене. Однажды парень с восхищением наблюдал, как хорошо сложенная стриптизерша сняла с себя все, кроме нижнего белья. Затем, в «момент истины», вытащила из бюстгалтера два больших апельсина и сорвала парик, продемонстрировав, что «она» на самом деле он.

Когда мальчики выступали в клубе Peppermint Lounge в Чикаго, они нашли в гримерной глазок, через который хорошо было видно женский туалет. Каждый по очереди смотрел в него. «Мы узнали все, что нужно было знать о женщинах», – вспоминал Марлон. (Несколько лет спустя, когда группа играла в Лондоне, тринадцатилетний Майкл и четырнадцатилетний Марлон обнаружили глазок прямо в соседнюю гримерку, занимаемую звездой театра Кэрол Чэннинг. «Смотри, она голая!» – взволнованно сказал Марлон, глядя в дыру. «Я не могу», – ответил Майкл. «Но она голая, – не унимался Марлон. – *Голая Кэрол Чэннинг!*» Брат быстро взглянул. «Ух, – простонал парень. – Она и *правда* голая».)

Можно с уверенностью сказать, что подобного рода переживания останутся с Майклом на всю жизнь. В девять лет мальчик психологически не был готов в полной мере осознать сексуальное возбуждение, которое он мог получить от того, что видел, например от стриптиза. Он, несомненно, находился в противоречивом состоянии: чересчур строгий взгляд на мир со стороны матери и чрезмерно распушенный взгляд на мир со стороны отца.

Одним из первых номеров The Jackson 5 стала их версия пронзительной песни соул-певца Джо Текса *Skinny Legs and All*. Во время выступления Джозеф предложил юному Майклу выйти к публике, залезть под столы и приподнять женские юбки, чтобы взглянуть на трусики. Неважно, насколько самого певца смущало подобное действие, этим трюком он украшал каждое выступление, закатывая глаза и ехидно улыбаясь. Начинающий артист знал, что зрителям все нравилось и после они с готовностью бросали деньги на сцену. Тогда мальчики дрались за мелочь. После шоу ребята возвращались домой к своей религиозной матери, которая укладывала их в постель и напоминала им о ценностях «Свидетелей Иеговы». Она в самом деле ничего не знала о ночных клубах даже много лет спустя.

Само собой разумеется, когда мальчики семейства Джексонов были в разъездах, Кэтрин оставалась дома с младшими детьми. Ее отсутствие дало Джозефу карт-бланш на свидания с другими женщинами, в основном с поклонницами. Мальчики прекрасно понимали, что он использовал их талант для секса. Марлон вспоминал, как отец входил в гостиничные номера сыновей с красивыми женщинами, по одной с каждой стороны. «Доброй ночи, ребята», – говорил он. Братья, лежа в постели в своих пижамах, молча смотрели, как отец и его подруги закрывали за собой дверь. После до них могли доноситься смех и прочие звуки из соседнего номера.

Как будто он *хотел*, чтобы дети знали, что он делает у Кэтрин за спиной. О чем думал мужчина? Кто знает... В свои тридцать он сделался такой же загадкой, какой позднее, достигнув того же самого возраста, станет и его сын Майкл.

Однако кое-что не вызывало сомнений: Джозеф был неуверенным в себе человеком с искривленным взглядом на мир. Кроме того, он всегда чувствовал, что собственная семья его недооценивает. Независимо от того, насколько успешными и популярными Джозеф делал своих сыновей или сколько он давал жене и дочерям, он никогда не получал достаточно благодарности и уважения в ответ. Близкие редко демонстрировали ему свои чувства. В семье проявления нежности были нечастым явлением. Возможно, потому, что Джозеф сделался замкнутым человеком, когда его жизнь полностью переключилась на успех сыновей (к тому же патетика всегда был чужда ему). Семья не знала, как относиться к нему, и он тоже не мог их понять. Поэтому Джозеф искал одобрения и понимания вне дома.

«Он делал с нами самые ужасные вещи», – однажды сказал мне Майкл об отце. Он говорил, что его приводила в бешенство одна только мысль о том, чем занимался Джозеф со своими друзьями в гостиничном номере. (На ум приходят слова его песни *Scream*: «О, отец, пожалуйста, сжался, я больше не могу это выносить [...] ***** [отстань] от меня!») В столь юном возрасте Майкл был вынужден гадать, как законный муж мог снова и снова предавать Кэтрин, очевидно, ни капли не стыдясь собственных действий. Спустя десятилетия его все еще раздирали противоречия в отношении отца и его поступков. «Я любил Джозефа, – сказал он во время перерыва в интервью с Баширом в 2003 году. Внезапно на его глазах выступили слезы. – И одновременно ненавидел за то, что он делал с моей матерью». Он с трудом сглотнул, пытаясь подавить эмоции. «Моя бедная мама, – сказал Майкл. – Моя бедная семья. Бедная-бедная семья».

Никогда ни один из сыновей не причинил бы Кэтрин боль, рассказав, что ее муж делал, пока они были в отъезде, и, конечно же, они бы не осмелились предать Джозефа. Необходимость лгать матери стала дополнительным бременем. «Естественно, у Кэтрин никогда не было любовника. Она всегда была верна Джозефу, – вспоминала Сьюзи Джексон, жена барабанщика группы Джонни Джексона. – Уже один этот факт заставил их любить свою мать еще сильнее. Дети просто вынуждены были научиться очень искренне лгать и лицемерить. Она спрашивала: «А что делает Джозеф, пока вы там работаете, ребята?» И они отвечали: «Ничего. Просто валяется». И это было правдой, только валялся он не один».

Доктор Кэрол Либерман, психолог из Лос-Анджелеса, чьим пациентом Майкл не был, предположила: «Неверность отца, как правило, сильнее всего ударяет по младшему ребенку в семье. [В данном случае им был Майкл, младший из членов группы, причастной к прегрешениям Джозефа. Пройдут годы, прежде чем его младший брат Рэнди и сестра Джанет узнают об изменах отца.] Он посчитал бы, что, скрыв правду от матери, по большому счету, предал ее. Конечно, подобное повлияло бы на него во многих отношениях, и ложь по такому поводу в столь раннем возрасте, очевидно, просто научила бы его, что лгать – нормально».

«Возможно, я молод, – говорил маленький Майкл, представляя песню Смоки Робинсона *Who's Lovin' You* во время выступления группы, – но я знаю, что такое блюз». Хотя сама фраза была лишь частью сценической болтовни, за ней скрывалось больше правды и боли, чем кто-либо из зрителей мог предположить.

Семья Джексонов ликовала после абсолютного успеха мальчиков в *Apollo Theater*, и не без оснований: тот момент стал поворотным в их жизни. «Я так чертовски счастлив, что мог бы долететь до Гэри без всякого самолета», – сказал Джозеф позже, широко улыбаясь. Воодушевленный выступлением и гордый их решимостью быть лучше всех, Джексон был полон решимости продолжать делать все необходимое, чтобы обеспечить успех своей семьи в жестком конкурентном бизнесе. Поэтому решил перейти на полставки в «Континентальной стали» и больше времени уделять карьере сыновей.

В 1968 году Джозеф заработает всего пять тысяч сто долларов вместо обычных восьмидесяти тысяч. Он отказался от относительной финансовой защищенности, чтобы сделать ставку на будущее. И она быстро окупилась: мальчики начали зарабатывать шестьсот долларов за выступление. Увеличение дохода позволило Кэтрин и Джозефу отремонтировать дом и купить первый цветной телевизор.

На волне успеха Джексоны репетировали каждый день, продолжая оттачивать выступления, что часто приводило к эмоциональным всплескам. Однажды Джозеф пытался убедить Майкла выполнить танцевальный шаг определенным образом, но тот отказался. По словам Джонни Джексона, Джозеф ударил сына по лицу. Мальчик упал навзничь.

«Теперь сделаешь так, как я сказал, понятно тебе?» – прокричал Джозеф девятилетнему ребенку.

Майкл заплакал, его правая щека покраснела и опухла. «Не буду», – сказал он.

Джозеф посмотрел на него и сделал шаг вперед, подняв руку, чтобы ударить снова.

Майкл вскочил с пола. «Не бей меня, – предупредил мальчик. – Если ты еще хоть раз ударишь меня, я буду петь в последний раз! Я серьезно». Отец и сын обменялись гневными взглядами. Однако Майкл, должно быть, произнес волшебные слова, потому что Джозеф отвернулся и пошел прочь, бормоча под нос что-то о своем «неблагодарном» сыне.

Майкл вспоминал, что с годами мужчина становился все более жестоким. Главная трагедия его юности: отец был тираном. «Если ты напортачил на репетиции, тебя били, – говорил певец, – иногда ремнем или тумблером „Прутом“. Однажды он вырвал шнур холодильника и отхлестал меня им, так он был зол». Это был порочный круг: чем сильнее старший Джексон его бил, тем сильнее Майкл злился. Чем сильнее он злился, тем чаще перечил... и тем пуще его избивали. Избиения были жестокими, частыми и травмирующими. «Я пытался дать отпор, – вспоминал артист, – просто размахивая кулаками. Вот почему я получал больше, чем мои братья вместе взятые. Если бы я дрался по-настоящему, отец убил бы меня, просто разорвал бы на части».

Однажды Майкл опоздал на репетицию, и, когда он вошел, Джозеф подошел сзади и толкнул его в грудь музыкальных инструментов. Парень упал на барабаны и сильно ушибся. «Будешь знать, как опаздывать», – сказал отец.

Ребби женится

Примерно в это же время, в 1968 году, когда Майклу было почти десять лет, в семье Джексонов произошел семейный кризис. Восемнадцатилетняя Морин влюбилась в Натаниэля Брауна, набожного члена «Свидетелей Иеговы». Она объявила, что хочет выйти за него замуж и переехать в Кентукки. Кэтрин, преисполненная счастья за свою дочь, поддержала ее. По мнению женщины, для дочерей не было более важной цели в жизни, чем исполнить роль жены и матери.

Однако Джозеф выступил против брака. «Все это была идея Морин и ее матери, – объяснял он позднее. – Меня она вовсе не радовала».

Поскольку Морин (или Ребби, как ее называли в семье) обладала хорошими вокальными данными, отец надеялся, что она подумает о карьере в шоу-бизнесе. Он чувствовал, что если девушка выйдет замуж и заведет семью, то уже никогда не сможет уделить внимание работе. Хотя в детстве Морин и брала уроки танцев и игры на фортепиано, музыкальная карьера ее не интересовала. Изменчивости шоу-бизнеса она предпочла комфорт и безопасность счастливой семейной жизни.

К тому же Ребби хотела выбраться из дома на Джексон-стрит, где ежедневно разыгрывалась драма: сначала безумный восторг от победы мальчиков на шоу талантов, который молниеносно сменялся травлей и издевательствами Джозефа. Ребби хотела уйти. Кто мог ее судить? Как бы то ни было, ее бегство было лишь первым из подобных случаев в семье, поскольку еще несколько детей предпочли жениться в раннем возрасте вопреки воле отца, чтобы оказаться подальше от него.

Споры продолжались неделями, пока в конце концов Джозеф не уступил. Так и быть, Ребби могла выйти замуж. Правда, последнее слово осталось за ним: он не поведет ее к алтарю.

Первая запись

После победы в очередном конкурсе талантов, на этот раз в средней школе Beckman Junior High в Гэри, на мальчиков обратил внимание Гордон Кейт, владелец небольшого местного лейбла Steeltown Records. Он не задумываясь подписал с братьями контракт на запись.

В субботнее утро, полное больших надежд, Джозеф повел свой выводок на звукозаписывающую студию. Мальчиков отвели в маленькую стеклянную кабину. Майклу дали большие металлические наушники, которые доходили ему до середины шеи. Его братья подключили инструменты к усилителям. Были бэк-вокалисты и духовая секция. Наконец-то настоящая запись! Юные Джексоны пребывали в восторге, что было заметно по их сияющим лицам. Конечно, и для Джозефа это был большой день. На запись первой песни ушло несколько часов. После они возвращались для новых записей каждую субботу в течение нескольких недель. Одна песня была инструментальной; в шести других солировал Майкл. Было очевидно, что он должен быть в центре группы: уже в раннем возрасте со всей очевидностью стали проступать его уникальность, фирменный звук и завидная самоуверенность.

Результатом проделанной работы стали два сингла, выпущенных на студии Steeltown Records в 1968 году: с треками Big Boy и We Don't Have to Be Over 21 (to Fall in Love) на стороне А и You've Changed/Jam Session на стороне В. Оба сингла были довольно посредственными и не раскрывали потенциал Майкла Джексона как вокалиста, но мальчики все равно радовались. В конце концов, это были их первые записи. С того мгновения, казалось, они поняли, что нет ничего невозможного. Каким же запоминающимся должен был стать для них момент, когда семья собралась вокруг радио, чтобы послушать трансляцию первой записи. Майкл вспоминал, что они сидели в гостиной, словно парализованные. «Затем, когда все закончилось, мы рассмеялись и обнялись. Мы чувствовали, что достигли успеха. Это было удивительное время для нас как для семьи. Я до сих пор испытываю волнение, вспоминая о нем».

Бен Браун, тогдашний высокопоставленный руководитель в Steeltown, помнил день, когда Джексоны позировали для рекламных фотографий в марте 1968 года. «После того как фотограф разместил мальчиков, Майкл покинул свое место и, надувшись, отошел в сторону, – сказал Браун. „Это фото не будет похоже на рекламное, – жаловался Майкл. – У нас выйдет семейный портрет”. „Ну, сделай иначе”, – сказал Джозеф. Тогда Майкл пошел и переставил всю группу, встал впереди на одно колено и сказал: „Теперь можете снимать”. Мы сделали снимок, и знаете что? Получился первоклассный кадр. Откуда он только знал, как делать рекламные фото? Он был таким не по годам зрелым, как будто уже успел побывать суперзвездой в другой жизни».

В мае 1968 года группу снова пригласили выступить в театре Apollo, и на сей раз им должны были заплатить. Они оказались на одной афише с Эттой Джеймс, Джозефом Саймоном и другой семейной группой, The Five Stairsteps and Cubie, чьей солистке было всего два года.

«Майкл был очень трудолюбивым, – сказал в одном из интервью исполнитель ритм-н-блюза Джозеф Саймон, тем самым присоединяясь к воспоминаниям практически всех, кто когда-либо работал на одной сцене с юной звездой. – Часть меня не сомневалась, что он карлик. Я слышал, что его отец являлся предприимчивым бизнесменом. Говорили, будто он просто выдал карлика за ребенка. Помню, как подошел к Майклу и пристально посмотрел на него, раздумывая: „Ну так что, этот малыш карлик или нет?” „Эй, парень, перестань на меня пялиться, хорошо?” – ответил он мне».

«Да, я помню, каким он был талантливым, – говорила Этта Джеймс о Майкле. – А еще вежливым и очень заинтересованным. Как-то раз я работала на сцене, и вот пою Tell Mama и вижу, как маленький черный ребенок наблюдает за мной из-за кулис. И думаю: что за малыш? Он меня прямо отвлекает. В перерыве между песнями я подхожу к нему, пока раздаются апло-

дисменты, и шепчу: „А ну-ка брысь, детка! Исчезни. Ты меня раздражаешь. Иди посмотреть из зала”. Я напугала его до чертиков. Он вытаращил на меня свои большие карие глаза и убежал. Минут через десять снова появился. Теперь он уже стоял перед сценой, в стороне, и наблюдал за тем, как я выступаю».

После шоу, когда Этта снимала макияж в гримерке, в дверь постучали.

«Кто это?» – спросила она.

«Это я».

«Кто я?»

«Майкл, – произнес юный голос. – Майкл Джексон».

«Я не знаю никакого Майкла Джексона», – сказала Этта.

«Нет, знаете. Я тот мальчик, которому вы велели исчезнуть».

Этта, крепкая чернокожая женщина с высветленными волосами и громким, звучным голосом, приоткрыла дверь и, взглянув вниз, увидела девятилетнего ребенка, смотрящего на нее большими глазами, полными любопытства. «Чего ты хочешь, парниша?» – спросила она.

Майкл, ничуть не смутившись, сказал: «Мисс Джеймс, мой отец сказал мне прийти сюда и извиниться перед вами. Простите, мэм, я смотрел на вас просто потому, что вы так хороши. Вы невероятно *хороши*. Как вы это делаете? Я никогда не видел, чтобы люди так аплодировали».

Этта, теперь польщенная, улыбнулась и похлопала мальчика по голове. «Иди сюда, присядь рядом со мной, – сказала она. – Я могу научить тебя нескольким трюкам».

«Я не помню, что ему тогда сказала, – вспоминала Этта, – но помню, как подумала, когда он уходил: вот мальчик, мечтающий учиться у лучших, и однажды он сам станет лучшим».

Между тем, когда Джозеф находился в холле Американской федерации в Нью-Йорке, заполняя кое-какие документы для договора с Apollo, он познакомился с молодым белым юристом по имени Ричард Аронс. Поговорив с ним всего несколько минут, Джозеф попросил Аронса помочь ему в управлении группой. Джексона привлекала идея поддержки со стороны белых – блажь, которая доставит ему немало проблем в будущем. Аронс как менеджер занимался организацией концертов группы, в то время как Джозеф стремился заинтересовать студии звукозаписи. В какой-то момент он попытался связаться с президентом Motown Берри Горди, послав ему аудиозаписи некоторых песен Джексонсов; однако никакой реакции ни от Горди, ни от кого-либо еще в Motown не последовало.

В 1968 году, когда The Jackson 5 выступали в театре Regal в Чикаго, исполнительница Глэдис Найт, записывающаяся на Motown, договорилась о посещении шоу некоторыми из исполнительных продюсеров студии, но не Берри. В то время группа вызывала некоторый интерес в профессиональной среде. До Берри дошли слухи, что Джексонсы – весьма многообещающая группа, но тем не менее он не предлагал им подписать контракт с лейблом.

В июле 1968 года, когда Джеки было семнадцать, Тито – четырнадцать, Джермейну – тринадцать, Марлону – десять, а Майклу – девять лет, группа выступила в чикагском клубе High Charagga на разогреве у группы Bobby Taylor and the Vancouvers. Увидев, как Джексонсы работают на сцене, Тейлор позвонил Ральфу Зельцеру, главе креативного отдела Motown, а также руководителю юридического отдела, и предложил устроить группе прослушивание на студии.

«У меня были некоторые сомнения, – вспоминал Ральф Зельцер. – Помимо творческих соображений у меня возникли опасения из-за их возраста и тех изменений во внешности и голосе, которые последуют, когда они станут старше. Но Бобби был от них в таком восторге, что в конце концов я сказал ему привозить группу в Детройт».

И хотя сразу после Чикаго Джексонсы должны были отправиться в Нью-Йорк, чтобы принять участие в местной телевизионной программе, Бобби Тейлор убедил Джозефа, что вместо этого он должен взять ребят в Детройт на прослушивание. Тейлор организовал съемки их

выступления. Он предложил Ральфу Зельцеру переслать запись Берри Горди в Лос-Анджелес, если мальчики произведут впечатление.

Позже в тот же день Кэтрин позвонила в клуб High Chaparral, чтобы поговорить с мужем. Ей сказали, что он и мальчики уехали в Мотор-Сити. «Детройт? – удивленно спросила женщина. – Вы хотите сказать, что они отказались от телешоу, чтобы поехать в Детройт? Чего ради?»

«Motown, – ответил голос на другом конце провода. – Они поехали в Motown».

Джексонсы в Motown

23 июля 1968 года в 9:45 утра «Фольксваген» семьи Джексонсов въехал на стоянку напротив вереницы одноэтажных белых домиков на Уэст Гранд Бульвар, 2648, в Детройте. Вывеска над одним из строений говорила сама за себя: Хитсвилл, США. Это была компания Motown Records, место, где родились многие памятные записи, возглавлявшие хит-парады. К 1968 году при помощи компании Берри Горди-младший успел перевернуть мир эстрады. В звукозаписывающем бизнесе он был белой вороной, провидцем, находившим на улицах города молодых чернокожих ребят, подающих надежды, и превращал их в суперзвезд международного уровня, как The Supremes, The Temptations, The Miracles, The Vandellas и The Marvelettes. Его успех с такими группами и сольными исполнителями, как Стиви Уандер, Марвин Гэй и Тамми Террелл, во многом явился результатом умения окружать певцов самыми талантливыми авторами, продюсерами и аранжировщиками Детройта, среди которых были Смоки Робинсон, Брайан Холланд, Ламонт Дозье и Эдди Холланд, Норман Уитфилд, Барретт Стронг и многие другие. Взяв за основу идею командной работы, вместе с артистами они сумели создать оригинальный заразительный стиль музыки, разошедшийся миллионами пластинок. Его прозвали Motown Sound.

Напористая ритм-секция, цепляющие строчки и припевы, а также остроумные тексты – все это стандартные составляющие песен вроде *Where Did Our Love Go?* и *I Can't Help Myself, Dancing in the Streets*, *Please Mr Postman*, *Stop! In the Name of Love*, *The Tracks of My Tears*. Они и бесчисленное множество других композиций стали не только гимнами целого поколения, но и символами того периода американской истории.

Берри Горди являлся суровым руководителем, поощрявшим острую конкуренцию между своими группами, авторами и продюсерами. Самая большая критика в адрес Горди, прозвучавшая сначала со стороны, а позднее повторенная самими артистами, была связана с полным контролем, который он осуществлял, пользуясь своей властью. Практически ни один певец не имел представления о том, сколько денег приносил компании, и, как правило, все избегали подобных вопросов. Они пели и выступали, и это было все, чего от них ждали. «Впервые я увидела налоговую декларацию в 1979 году, – сказала однажды Дайана Росс, подписавшая контракт с Горди в 1960 году. – Берри был такой сильной личностью и наставником, что вы полностью полагались на него. Вы не брали на себя ответственность».

До Джозефа доходили некоторые слухи о Motown. Например, небылицы о связи компании с мафией. Он также слышал, что у некоторых артистов возникали проблемы с оплатой работы. Однако в тот день 1968 года, когда мужчина привел своих мальчиков на прослушивание, все мысли остались в стороне.

По дороге в Хитсвилл на переднем сиденье фургона рядом с Джозефом сидел Джек Ричардсон, близкий друг семьи, путешествовавший с группой и выполнявший функции дорожного менеджера. Сзади теснились мальчики с кучей инструментов, усилителей и микрофонов.

«Выходите и становитесь на осмотр», – приказал Джозеф.

Ребята выбрались на уже прогретую улицу Детройта, где, словно военный отряд, они выстроились в линию по возрасту: семнадцатилетний Джеки, четырнадцатилетний Тито, тринадцатилетний Джермейн, десятилетний Марлон и девятилетний Майкл. К группе присоединился семнадцатилетний Джонни Джексон. Хотя они не были родственниками, Джозеф обращался с ним так же, как со своими сыновьями, и тот так же быстро повиновался. «Хорошо, – рявкнул Джексон-старший. – Сейчас десять часов. Пошли. Помните все, чему я вас учил, и открывайте рот, только когда поете или когда с вами разговаривают, в остальных случаях держите его на замке. И помните, что говорю всегда я...» И посмотрел на Джермейна.

«В этой жизни ты или победитель, или проигравший, – сказал тот. – И среди моих детей нет проигравших».

«Что за мальчик!» – произнес Джозеф, похлопывая его по спине.

Внутри главного здания банду первым поприветствовал строго одетый темнокожий мужчина. Когда он спросил, чем может им помочь, Джозеф объяснил, что они семья Джексонов из Гэри и что у них назначено прослушивание. Встречающий ответил, что ждал их. «Ты, должно быть, Майкл», – произнес он, глядя на самого маленького ребенка. Затем, указывая по очереди на мальчиков, правильно назвал каждого по имени. «А вы, сэр, наверное, Джозеф», – пробормотал мужчина, пожимая руку отцу семейства. Мальчики удивленно посмотрели друг на друга.

Затем семья прошла в небольшую студию. Войдя, они увидели человека, устанавливающего видеокамеру на штатив. Перед небольшим деревянным подиумом, служившим сценой, стояло десять складных стульев.

Сюзанна де Пасс, креативный помощник президента Берри Горди, вошла в студию в синей мини-юбке и желтой блузке с оборками. Ее высокие каблуки цокали, когда она направилась к группе, чтобы представиться. Это была привлекательная молодая чернокожая женщина с мягкими волосами до плеч и яркой дружелюбной улыбкой. Она сразу понравилась мальчикам.

Следующим появился Ральф Зельцер. Высокий белый мужчина в темном костюме и строгом галстуке, Зельцер казался более устрашающим, чем де Пасс. Он пожал руку каждому мальчику, а затем Джозефу и Джеку.

«Мы много слышали о вашей группе, – сказал он Джексону. – Мистер Горди не смог присутствовать, но...»

«Вы хотите сказать, что мистера Горди здесь нет?» – спросил Джозеф, не в силах скрыть досаду.

Когда Зельцер ответил, что продюсер находится в Лос-Анджелесе, глава семейства начал настаивать, что им следует провести прослушивание тогда, когда тот вернется в Детройт. Он хотел, чтобы его сыновей прослушивал босс, а не его лакеи. Однако Зельцер объяснил, что они хотят снять прослушивание на камеру, а затем отправить запись руководству на Западное побережье. «Тогда мистер Горди и примет решение», – сказал Ральф.

«Он примет решение», – повторил Джозеф скорее самому себе, чем Зельцеру.

«Да, именно он, – сказал Зельцер, кивая головой. – Мистер Горди примет решение».

«Мистер Горди будет принимать решение», – повторил Майкл Марлону.

«Что это значит?» – прошептал Марлон.

Майкл пожал плечами.

После того как из фургона вытащили, а затем установили все оборудование, еще восемь сотрудников, которые не представились, зашли в студию, каждый с блокнотом. Майкл был готов говорить в микрофон, когда услышал, как кто-то в углу ухмыльнулся и произнес: «Ну да, Jackson Jive [никчемные]». Это прозвучало как оскорбление. Ральф Зельцер откашлялся и пристально посмотрел на человека, сделавшего замечание.

«Первая песня, которую мы хотели бы исполнить, – I Got the Feeling Джеймса Брауна, – объявил Майкл. – Готовы? Тогда поехали». Он задал ритм: «Раз, два, три!» – и парни заиграли: Тито на гитаре, Джермейн на басу и Джонни Джексон на барабанах.

«Бэйби, бэйби, бэй-ба. Бэйби, бэйби, бэй-ба. Бэйби, бэйби, бэй-ба», – пел Майкл. Он соорудил рожицу и издал клич, подражая Джеймсу Брауну. «У меня возникло чу-у-у-вство. Господи *Боже* всемогущий!» – мальчик покатился по полу, как знаменитый певец. «Мне *хорошоооооо*», – прокричал он в микрофон, и его маленькое личико оживила озорная гримаса.

Сюзанна де Пасс и Ральф Зельцер улыбнулись друг другу и кивнули. Другие исполнительные продюсеры находились во власти музыки. Джозеф, стоявший в углу, скрестив руки на груди, смотрел на них с чувством удовлетворения.

Когда мальчики закончили, в зале никто не захлопал, зато все что-то лихорадочно писали в свои блокноты.

Парни в замешательстве посмотрели друг на друга, затем на отца, чтобы понять, что им делать. Джозеф жестами показал, что они должны продолжать выступление.

«Спасибо. Большое спасибо, – сказал Майкл, как бы отвечая на овацию. – Этого мы и ждали».

Затем певец представил группу, как делал во время их живого выступления, после чего они исполнили блюз Tobacco Road.

И снова никаких аплодисментов, только пометки.

«Следующая вещь, которую мы хотели бы исполнить, – песня студии Motown, – объявил Майкл. Он сделал паузу, ожидая одобрительных улыбок, которых, однако, не последовало. – Who's Loving You Смоки Робинсона, припоминаете? Тогда поехали. Раз, два, три...»

Они завершили песню ярким финалом и ждали реакции сотрудников. Но все по-прежнему что-то писали. «Jackson Jive, а? – сказал кто-то в комнате. – Эти парни не шутят. Помоему, они великолепны».

Майкл просиял, его глаза блеснули.

Ральф Зельцер прокашлялся и встал. «Я хотел бы поблагодарить вас, ребята, что пришли», – сказал он. Его голос не давал ни малейшего намека на впечатление от прослушивания. Мужчина пожал руку каждому из них, а затем подошел к Джозефу и объяснил ему, что компания разместит их всех в отеле неподалеку. «Я свяжусь с вами, – заключил Зельцер, – через пару дней...»

«Когда мистер Горди примет решение», – продолжил Джозеф, заканчивая фразу. В его голосе не было радости. Мальчики тоже явно казались разочарованными. Когда они вышли, никто не сказал ни слова.

Двумя днями позже Берри Горди просмотрел шестнадцатимиллиметровую черно-белую пленку и быстро вынес вердикт. «Да, несомненно, нужно нанять этих детей, – сказал продюсер Ральфу Зельцеру. – Они потрясающие. Не теряйте ни секунды. Подпишите их!»

26 июля 1968 года Ральф Зельцер пригласил Джозефа в свой офис в Motown на встречу. Во время двухчасового совещания, пока мальчики ждали в вестибюле, он рассказал, что Берри Горди заинтересован в том, чтобы The Jackson 5 подписали контракт с лейблом, а затем обрисовал в общих чертах, какие отношения, как он надеется, компания будет развивать с юными Джексонами. Он говорил о «гении Берри Горди» и ожидании продюсера, что The Jackson 5 станут крупными звездами. «Дети прославятся, прославятся, *прославятся*», – восторженно повторял Зельцер. Его поведение было гораздо более радушным, чем во время первого визита. «Поверьте мне, если мистер Горди говорит, что они прославятся, значит, они прославятся». Джозефу, должно быть, казалось, что он видит удивительный сон.

Затем Зельцер показал Джозефу стандартный девятистраничный контракт Motown. Джексону никогда не пришло бы в голову, что ему следовало явиться на такую важную встречу с независимым юрисконсультom, никто не предупредил его.

«Берри не хотел, чтобы сторонние юристы просматривали наши контракты, – объяснил Ральф Зельцер в интервью спустя много лет после того, как их пути разошлись. – Проще говоря, он не желал, чтобы посторонние влияли на исполнителей. Я считал более чем справедливым дать артисту возможность взять контракт домой, прочитать его, все обдумать. Берри сказал мне, что, если бы я когда-нибудь позволил артисту забрать контракт домой, ни один из них не подписал бы бумаги. Однажды я попытался, и он оказался прав: музыкант не подписал соглашение. Берри решил, что лучше всего, чтобы артисты читали договор в моем офисе, а затем просто подписывали. Если их это не устраивало, они не становились артистами Motown. Все было так просто».

Зельцер начал с параграфа номер один, где говорилось, что соглашение заключается сроком на семь лет.

«Подождите, – прервал его Джозеф, – это слишком долго».

Джексон считал, что контракт следует подписать только на год. Такой короткий период был неслыханным для Motown, где минимальный срок соглашения составлял пять лет. Горди полагал, что столько времени нужно, чтобы раскрутить артиста, а затем окупить вложения компании.

Ральф Зельцер снял трубку и позвонил Берри Горди в Лос-Анджелес. Он объяснил ситуацию и передал телефон Джозефу, с которым Берри никогда не встречался. После короткого разговора Джозеф повесил трубку.

«Он сказал, что подумает», – сказал Джексон Зельцеру, который понимающе улыбнулся. Через две минуты снова зазвонил телефон. Горди хотел еще раз поговорить с Джозефом. Он объяснил, что для него настоящая проблема заключалась в доверии. Если бы Джозеф действительно верил в Горди и Motown, то не возражал, чтобы компания связала его детей контрактом на семь лет. В конце концов, продюсер был готов платить за их проживание, записи, репетиции и так далее. Однако, если бы Джексон *настаивал* на изменении данного параграфа, его бы изменили. «Потому что, в конечном счете, я просто хочу сделать лучше для детей», – объяснял Горди.

Джозеф улыбнулся и показал Ричардсону большой палец вверх. Он передал телефон Зельцеру, который снова был на проводе и некоторое время разговаривал с Берри. Затем тот на время прервал общение с главным продюсером и вызвал в кабинет помощника, получившего несколько быстрых указаний от Горди. Примерно через пять минут помощник вернулся с новым документом, где говорилось, что группа заключает договор с Motown только на один год. Джозеф просиял: он выиграл стратегический поединок с Берри Горди.

Ральф Зельцер быстро объяснил остальную часть контракта. Джозеф кивнул и позвал своих мальчиков в кабинет.

«Контракт наш, мальчики», – объявил он.

«Ой, боже, это уже слишком!»

«Мы на Motown!»

«Мы подпишем контракт!»

Они начали скакать и обниматься.

Ральф Зельцер выдал контракт каждому ребенку. «Просто подпишите прямо здесь, ребята».

Они посмотрели на отца. «Давайте. Все в порядке. Подписывайте».

Хотя Джозеф даже не читал соглашение – ему просто разъяснили его содержание – и ни один из его сыновей и подавно его не прочел, каждый мальчик просто поставил свою подпись.

«И вот ваш договор, мистер Джексон, – сказал Ральф Зельцер, передавая Джозефу документ. – Это согласие со стороны родителей, где говорится, что вы должны следить, чтобы мальчики соблюдали условия только что подписанного контракта».

Джозеф подписал бумаги.

«Что ж, поздравляю, – сказал Ральф Зельцер, улыбаясь и крепко пожимая руку старшему Джексону. – Позвольте мне первому поприветствовать вас в Motown».

Впоследствии многие будут гадать, как Джозеф Джексон позволил сыновьям подписать контракт с Motown, да и сам подписал соглашение, даже не прочитав документ. Годы спустя на судебном процессе против студии Джозеф объяснял: «Ни я, ни мои сыновья не читали соглашение, потому что все подобные контракты были основаны на принципе «соглашайся или уходи». Так как мальчики только начинали свою карьеру в сфере развлечений, мы подписали договор, основываясь на заявлениях Ральфа Зельцера о том, что условия хорошие».

Сам Ральф не признавал данного факта, что вызывало легкое беспокойство. «Я не помню, чтобы когда-либо говорил Джозефу Джексону или The Jackson 5, что соглашение, предложенное Motown, было хорошим».

Позже, покинув офис Ральфа Зельцера, Джозеф позвонил Ричарду Аронсу, человеку, которого он нанял в качестве своего адвоката и неофициального менеджера группы. Он вспоминал: «Джозеф позвонил мне и сказал, что подписал контракт с Motown. На тот момент я мало что мог посоветовать».

Легко понять, почему Джозеф просто подписал бумаги. В конце концов, это *был* Motown. Однако с контрактом возникли серьезные проблемы, многие из них впоследствии доставили семье неприятности.

В параграфе пятом, например, было сказано, что The Jackson 5 не сможет записываться для любого другого лейбла «в течение пяти лет с момента истечения или прекращения действия настоящего соглашения». Это был стандартный пункт для Motown, присутствовавший в договоре независимо от того, подписывался ли он на семь, пять лет или, как в случае с The Jackson 5, на один год. Так что уступка Берри Горди Джозефу Джексону оказалась бессмысленной: The Jackson 5 оставались связанными по рукам и ногам как минимум шесть лет.

Кроме того, в третьем параграфе говорилось, что Motown не обязуется записывать группу или продвигать ее музыку в течение пяти лет, даже несмотря на то что речь шла о контракте на один год! Были и другие условия договора, которые могли бы вызвать у Джозефа вопросы, прочти он соглашение: Motown сама будет выбирать все песни, а группа должна записывать каждую композицию «до тех пор, пока запись не удовлетворит нас [Motown]». Однако Motown «не обязуется выпускать какую-либо запись» – иными словами, если трек записан, это еще не значит, что публика его услышит. Группе платили 12,5 доллара за готовую запись песни. Но для того чтобы она считалась готовой, трек должны были выпустить. В противном случае им ничего не доставалось. То есть они могли записать десятки песен за сессию, из которых выпущена оказалась бы лишь одна, и только за нее им бы и заплатили. Что до остального, это было бы пустой тратой времени.

В контракте указывалось, что Джексоны получали гонорар в размере 2,7 % от оптовой цены – стандартный гонорар Motown 1960-х годов. Фактически, согласно договору, мальчики получали 6 % от 90 % от оптовой цены (за вычетом всех налогов и упаковки) любого выпущенного сингла или альбома. По такому же тарифу работали и Марвин Гэй, и The Supremes. Однако Марвину как сольному исполнителю не приходилось делить свой процент с кем-то еще. The Supremes оказалось необходимо разделить его на три части. И ту же самую сумму нужно было поделить на пятерых братьев Джексон. То есть Майкл получал пятую часть от 6 % от 90 % оптовой цены, или чуть меньше половины пенни за любой сингл и 0,0216 доллара, около двух центов, за выпущенный альбом (из расчета предполагаемой оптовой цены 0,375 доллара за сингл и 2 доллара за альбом).

Кроме того, согласно прописанным условиям, Motown обязались оплатить стоимость аранжировки, копирования и аккомпанемента, а также все прочие расходы, связанные с каждым сеансом записи, независимо от того, выпущена песня или нет. Однако эти и другие расходы должны были быть возмещены компании из гонорара, полученного от продажи выпущенных пластинок. Подобное соглашение приведет ко множеству жалоб со стороны артистов Motown и станет большой проблемой для The Jackson 5. Но Джозеф и представить себе не мог, что группа запишет так много песен, которые не будут выпущены. Тем не менее их окажется очень много, может быть, около ста! Позже для группы будет практически невозможно зарабатывать деньги на *выпущенных* песнях, потому что мальчикам придется продолжать расплачиваться за все записи, что не вышли в тираж.

Кроме того, если бы Майкл или кто-то из его братьев покинул бы группу, то навсегда лишился бы права говорить, что был участником The Jackson 5, «и дальнейшего права испол-

зовать название группы для каких-либо целей». Возможно, Джозеф не осознавал, но это могло стать большой проблемой. Например, когда в 1967 году Флоренс Баллард была уволена из The Supremes, она не могла рекламировать себя как бывшую участницу группы. В ее пресс-биографии для ABC, когда она подписала контракт с лейблом в качестве сольной исполнительницы в 1968 году, можно было указать только то, что она была «участницей популярной женской вокальной группы».

Также Motown могли в любое время заменить любого члена группы любым человеком, выбранным компанией. Иными словами, если бы, к примеру, Тито начал создавать проблемы, он мог бы быть отстранен, а его место занял бы кто-то другой, кого подобрала компания, а не Джозеф.

Еще более ограничивающий артистов в правах параграф № 16 гласил, что Motown владеет всеми законными правами, правом собственности и интересами в отношении имен The Jackson 5 и The Jackson Five. То есть, возможно, они и пришли в компанию как The Jackson 5 (The Jackson Five), но уже точно не уйдут из нее под этим именем. Когда в 1972 году The Supremes хотели покинуть лейбл, им предоставили такую возможность, но они были обязаны сменить название. И группа осталась.

В контракте с Motown можно было бы указать даже то, что Джозеф будет обязан передать Рэнди и Джанет компании, чтобы она могла вырастить их, если Горди счел бы это нужным, и старший Джексон мог бы согласиться. Важно было то, что мальчики оставались с Motown на любых условиях.

Итак, 26 июля 1968 года Майкл подписал договор мелким неразборчивым почерком: «Майкл Джозеф Джексон»..

«Голливудская жизнь»

27 сентября 1968 года Motown организовали выступление The Jackson 5 на благотворительном концерте на стадионе Гилрой в Гэри, штат Индиана. Собранные деньги шли на предвыборную кампанию Ричарда Хэтчера. В тот день на афише значились артисты Motown: Глэдис Найт и Пипс, Шорти Лонг, Бобби Тейлор и The Vancouvers. The Jackson 5 открыли шоу. Годы спустя компания распространит официальную версию, что *именно здесь* Дайана Росс впервые увидела мальчиков, «открыла» их и обратила на них внимание Горди. В реальности к тому времени у The Jackson 5 уже был подписан контракт с лейблом. Более того, в тот момент Дайаны Росс не было в городе. Она находилась в Лос-Анджелесе, где репетировала с The Supremes.

Во время рождественских праздников Берри Горди устроил вечеринку в Детройте, в поместье, купленном продюсером в 1967 году за миллион долларов. (Хотя он и переехал на Западное побережье, но все еще владел домом в Мичигане.) The Jackson 5 пригласили выступить на вечеринке для артистов Motown и других друзей. *Это* было важным событием.

В трехэтажном особняке были бальный зал с мраморными полами и колоннами, бассейн олимпийских размеров, бильярдная, боулинг с двумя дорожками, частный театр, соединенный с главным домом туннелем, и паб, мебель для которого привезли из Англии. Все комнаты были украшены сусальным золотом, потолки – расписаны фресками и украшены изысканными хрустальными люстрами. Роскошные полотна с изображением друзей и семьи Горди украшали вход.

Если Джексоны прежде и видели такой дом, то только в кино, и обитателями его обычно были члены королевской семьи – белой королевской семьи. «Черные люди действительно так живут? – спрашивал самого себя Джозеф, бродя по особняку и качая головой. – Я просто не могу в это поверить». Когда Горди случайно услышал его слова, то положил руку на плечо старшего Джексона и прошептал что-то на ухо, отчего Джозеф улыбнулся. Двое мужчин обменялись рукопожатием в знак согласия, и Горди провел гостя в гостиную.

«Скажи мне, дружище, что ты об этом думаешь?» – спросил продюсер, останавливаясь перед огромной картиной Горди в образе Наполеона Бонапарта. Ее заказала сестра Берри, Эстер.

«Боже правый. Что я могу сказать? – ответил Джозеф. – Это *ты*? Старик, невозможно поверить».

«Так тебе нравится?» – настаивал Горди.

«Мне, эээ... Ты... эээ...» – только и мог произнести Джозеф. Как раз тогда к нему подбежал Майкл. «Эй, а что это за странно одетый парень на картине?» – спросил он.

Джозеф вздрогнул и бросил на сына взгляд. Горди улыбнулся.

«Я никогда не забуду ту ночь, – скажет Майкл. – Там были горничные и дворецкие, и все были очень вежливы. Повсюду сновали звезды Motown. Приехал даже Смоки Робинсон. Тогда я впервые увидел его. The Temptations тоже присутствовали. Мы пели некоторые из их песен, поэтому очень нервничали. А когда я посмотрел в зал, там стояла Дайана Росс. Вот тогда я чуть не сошел с ума».

После выступления мальчиков Берри впервые представил их Дайане. Женщина была подобна королеве в белом шелковом платье с драпировкой, ее волосы были собраны в шиньон.

«Я просто хотела сказать, что мне очень понравилось ваше выступление, ребята, – сказала она, пожимая им руки. – Мистер Горди сказал мне, что мы будем работать вместе».

«Мы?» – спросил Майкл.

«Да, конечно, – ответила Дайана. Ее улыбка была почти такой же ослепительной, как бриллианты в ушах и на шее. – Я сделаю все от меня зависящее, чтобы посодействовать вам».

«Что ж, мисс Росс, мы очень ценим это», – с трудом выговорил Джозеф Джексон. Для него, изящного оратора в обычной жизни, та ночь стала очень непростой.

Улыбка Дайаны была теплой и искренней. Она повернулась к Майклу: «А ты такой милашка». Когда женщина ущипнула его за щеку, мальчик покраснел. Сразу после подписания контракта с лейблом Джексоны начали записываться на студии Motown под руководством продюсера Бобби Тейлора, человека, который действительно открыл их в Чикаго. Следующие несколько месяцев они проводили будние дни в школе в Гэри, а выходные и свободное от учебы время – в Детройте, ночуя на полу в квартире Тейлора. Они записали пятнадцать песен, почти все они затем вошли в альбомы. Как-то Тейлор скажет, что ему не платили за сеансы записи. «Конечно, мне нравилось признание за то, что я открыл The Jackson 5, – говорил он, – но признанием не оплатишь счета».

(Однажды Берри Горди и Бобби Тейлор говорили о мальчиках, и Бобби произнес, что счастлив участвовать в чем-то столь захватывающем, как становление The Jackson 5. «Тейлор, позволь мне объяснить тебе кое-что, – парировал Горди, согласно воспоминаниям Бобби. – Как только они разбогатеют, то забудут, кто ты такой».)

Следующие восемь месяцев были по-настоящему трудными. Берри чувствовал, что The Jackson 5 еще не готовы к выпуску сингла; он не остался по-настоящему доволен ни одной из записанных ими песен. Члены семьи теряли терпение, тем более что условия в Гэри ухудшались из-за того, что уличные банды терроризировали окрестности. На Джозефа напали, а позже панк наставил на Тито нож. Каждый день семья ждала звонка от кого-нибудь – *кого угодно* – из Motown, кто укажет, каким будет следующий шаг в их жизни.

11 марта 1969 года контракт со студией был заключен окончательно. Задержка возникла, когда Ральф Зельцер обнаружил, что The Jackson 5 все еще принадлежат Steeltown Records, несмотря на прошлые попытки Ричарда Арона вывести их из дела. Motown пришлось заключить соглашение, к большому огорчению Горди. К тому времени, по словам Ральфа Зельцера, компания потратила более тридцати тысяч долларов на The Jackson 5, не включая сумму за соглашение со Steeltown Records. Горди очень хотелось начать окупать свои вложения.

В августе 1969-го, спустя больше года после прослушивания, раздался звонок из Motown: Горди хотел, чтобы Джозеф, его пятеро сыновей, а также Джонни Джексон и Ронни Рэнсифер переехали в Лос-Анджелес. Они будут ходить в школу на Западном побережье и записываться в новых голливудских помещениях Motown. Хотя Горди не приводила в восторг ни одна из песен Джексонов, он находился под впечатлением от юного солиста. «Майкл был прирожденной звездой, – скажет продюсер позже в интервью. – Классическим примером полного понимания своей работы. Я осознал, что в нем крылась огромная глубина, просто невероятно. Когда я впервые увидел его, то почувствовал в этом ребенке нечто особенное».

Джозеф, Тито, Джек Ричардсон, барабанщик Джонни Джексон и клавишник Ронни Рэнсифер приехали в Лос-Анджелес на новом семейном «Додже» максивэне. Motown оплатили перелет Джеки, Джермейна, Марлона и Майкла несколькими днями позже. Джозеф принял решение не переезжать всей семьей из Гэри в Лос-Анджелес, пока не убедится в том, что их будущее там будет безопасным. В конце концов, вполне возможно, что Берри ошибается, группа потерпит неудачу, и им придется начинать все сначала. Итак, Джанет, Рэнди и Ла Тойя остались с Кэтрин в Гэри.

Берри зарегистрировал семью в одном из самых захудалых мотелей Голливуда, Tropicana, на бульваре Санта-Моника. Майкл, Марлон и Джермейн жили в одной комнате, а Тито и Джеки – в другой. Комната Джозефа располагалась дальше по коридору. Семья редко бывала там. Поскольку шли школьные каникулы, большую часть времени, свободную ото сна, они репетировали и записывались в студии Motown в Голливуде.

Впоследствии Горди переселил семью в мотель Hollywood, расположенный через дорогу от школы Hollywood High School и ближе к головному офису Motown. Это было еще более

ужасное жилище для мальчиков: здесь вели свой бизнес проститутки и сутенеры. Однако для Джексонов ничто не имело значения. Почему? Просто они наконец жили в Калифорнии. Даже если они не видели кинозвезд на каждом углу, как мечтали, Лос-Анджелес по сравнению с Гэри казался просто раем.

Неискушенных Джексонов поражало все новое. Майкл никогда не видел настоящей пальмы до того, как попал в Калифорнию. «А там они были высажены в ряд по всей улице», – вспомнил он однажды. Куда бы они ни посмотрели, везде были роскошные автомобили, и, казалось, все, кто водил их, носили солнцезащитные очки, даже в пасмурное утро, когда солнце не появлялось до полудня. На самом деле, как вскоре узнают юные Джексоны, многие люди также носят солнцезащитные очки по ночам. «Вот *это* голливудская жизнь», – скажет Джозеф.

Однажды днем Берри собрал бэнд в доме Дайаны Росс. Это была их первая встреча с момента выступления мальчиков в доме Берри в Детройте прошлой зимой. Дом Дайаны, возможно, не был впечатляющим по голливудским стандартам – в то время она была одинокой женщиной и временно жила в доме с тремя спальнями на Голливудских холмах. Она находилась в процессе покупки нового, более дорогого особняка в Беверли-Хиллз. Однако когда пятеро юных Джексонов и их отец сравнили ее жилище с домом размером с гараж в Гэри, им было трудно вести себя как ни в чем не бывало.

Майкл вспоминал, как Горди усадил мальчиков в гостиной Дайаны, чтобы поговорить с ними. «Я сделаю вас, дети, самыми большими знаменитостями в мире, – сказал он им. – У вас будет три хита номер один подряд. О вас напишут в учебниках истории. Так что будьте готовы, потому что этот момент уже близок».

Джексоны хотели услышать подобные слова. Все, чего Джозеф хотел для своих сыновей, – успех, и теперь он казался достижимым. Отец сказал мальчикам, что они должны делать все, что «мистер Горди» им скажет, не задавая вопросов. Проще говоря, Джозеф трепетал перед Берри. Однако он также и опасался его. «Вот чернокожий мужчина, заработавший миллионы долларов в шоу-бизнесе, – говорил Джексон-старший. – Если я только смогу кое-чему научиться у него, то мне тоже удастся добиться подобного».

Когда встреча подходила к концу, в комнате появилась Дайана, выглядящая как... *Дайана Росс*... в черных атласных обтягивающих шортах, с пышной укладкой и золотыми серьгами в форме колец. «Она всегда выглядела как богиня, – рассказывал Джермейн. – Я помню, когда она вошла в гостиную в тот день, мы все разинули рты». Хотя мальчики встречали ее раньше, они все еще трепетали при ее виде. Джозеф изо всех сил старался произвести впечатление.

«Я лишь хотела сказать вам, мальчики, что я здесь ради вас, – призналась она. – Если я могу что-то сделать для вас, надеюсь, вы дадите мне знать».

По словам Джермейна, она казалась искренней. «Было трудно поверить, что она говорила это нам, – вспоминал он. – Я имею в виду, что мы такого сделали, чтобы заслужить ее поддержку? Чистое везение».

Самое важное, что запомнил Джермейн из того дня, – телеграмма, которую им показала Дайана. «Это послание от меня многим и многим», – объяснила она. В послании было написано: «Пожалуйста, присоединяйтесь ко мне, чтобы поприветствовать блестящую музыкальную группу The Jackson 5 в понедельник, 11 августа, с 18:30 до 21:30 в Дейзи, Северный Родео Драйв, Беверли-Хиллз. The Jackson 5 и их восьмилетняя сенсация Майкл Джексон выступят с концертом на вечеринке, [подпись] Дайана Росс».

«Я думаю, вы ошиблись, – сказал ей Майкл. – Мне не восемь. Мне десять».

«Больше нет», – произнес Берри с усмешкой.

Продюсер объяснил, что причиной несоответствия является специфика PR. Последовало краткое обсуждение искусства рекламы с Майклом: ему напомнили, что, по мнению СМИ, именно Дайана Росс привела его и его братьев в Motown. Он всегда должен помнить об этом, потому что, как объяснила ему Дайана: «Все делается только для твоего блага».

«Понятно, – ответил Майкл. – Мне восемь. И нас открыла великая мисс Дайана Росс».

«Ты все понял, – сказала Дайана, улыбаясь. Она крепко его обняла. – Ты такой милый».

Позже Майкл вспоминал: «В раннем возрасте я осознал, что если кто-то сказал обо мне неправду, это будет ложь. Но если кто-то сказал неправду о моем имидже, все нормально. Потому что это не ложь, а PR».

11 августа 1968 года Дайана Росс представила своих новых протеже The Jackson 5 с особым размахом, присущим крупным голливудским дебютам. Триста «ближайших» друзей и деловых партнеров Горди и Дайаны заполнили шикарный частный клуб Беверли-Хиллз, Daisy. Все они были лично приглашены Росс. Они аплодировали стоя, когда Майкл Джексон и The Jackson 5 – как их представила Дайана – исполняли песни компании Motown, такие как Who's Loving You Смоки Робинсона, и даже классику Диснея вроде Zip-a-dee-do-dah. Мальчиков одели в одинаковые жилетки салатного цвета, золотые рубашки и зеленые ботинки в тон. Каждое движение было тщательно поставлено и отрепетировано в профессиональных традициях Motown. Они имели успех у публики. После этого всем присутствующим был разослан пресс-релиз, где возраст каждого мальчика был уменьшен на два года.

Сияя от гордости на приеме, Берри объявил, что в следующий раз The Jackson 5 выступят на концерте с Дайаной Росс и The Supremes на Forum через пять дней, а затем – в октябре, когда Дайана будет приглашенной ведущей на телешоу *The Hollywood Palace*.

Каждый Джексон знакомился с прессой по очереди, и Дайана Росс представляла мальчиков: «Это Майкл. Разве он не *милый*? А это Джермейн. Разве он не *очарователен*? А там Джеки. Посмотрите, какой он *высокий!*» и так далее.

Репортер *Soul* Джуды Шпигельман вспоминала: «Я помню, как меня впечатлило вежливое и общительное поведение молодых людей. В конце концов, они были всего лишь детьми, но не испорченными вниманием».

К Майклу подошла Полин Данн, репортер из лос-анджелесской газеты *Sentinel* для чернокожих.

«Каково быть звездой, Майкл?» – поинтересовалась она.

«Ну, по правде говоря, я уже почти потерял надежду, – сказал мальчик с улыбкой. На нем был черный котелок поверх прически в стиле афро. – Я думал, что стану стариком к тому времени, когда меня узнают».

Затем, понизив голос и прибавив драматизма, он заключил: «Но тут появилась мисс Дайана Росс, чтобы спасти мою карьеру. Она *открыла* меня».

«А сколько тебе лет, Майкл?» – спросила журналистка.

Тот взглянул на Дайану, которая гордо стояла позади него, положив руку ему на плечо. Рядом возвышался Берри Горди.

«Восемь», – ответил Майкл.

«Но я думала, ты старше. Думала, тебе одиннадцать», – не отставала подозрительная корреспондентка.

«Ну, нет, – настоял на своем юный артист. – Мне восемь».

«Но я слышала...»

«Эй, ребенку восемь, вы слышали? – вмешался Берри. – Следующий вопрос».

«Следующий вопрос, *пожалуйста*», – поправил его Майкл, улыбнулся и подмигнул Полин Данн, как бы говоря: «Вот как мы играем в эту игру».

Первый хит The Jackson 5

Начало 1970-х стало самым важным переходным периодом, который Motown Records переживали с тех пор, как зарекомендовали себя в качестве крупного музыкального лейбла. К тому времени, хотя компания все еще производила великолепную поп- и ритм-н-блюз-музыку, некоторые из ее главных звезд начали выражать недовольство из-за конвейерного метода создания хитов.

1970-е стали эпохой перемен как в социальном, так и в политическом плане, и это затронуло индустрию поп-музыки. Чтобы идти в ногу со временем, многие лейблы в конце концов распустили штат композиторов и продюсеров и подписали контракты с плодотворными авторами-исполнителями и группами, сочинявшими и исполнявшими собственную музыку. Берри Горди не был в восторге от подобной тенденции. Он всегда отговаривал музыкантов писать и продюсировать свой материал, потому что, очевидно, не хотел, чтобы артисты участвовали в издании музыки, что было неизбежным следствием данной затеи. Продюсер предпочитал иметь резерв авторов и музыкантов, каждый из которых имел контракт с его издательской компанией Jobete. В итоге большая часть денег оставалась в Motown.

Однако некоторые артисты нуждались в большей творческой свободе. Например, Стиви Уандер и Марвин Гэй чувствовали, что переросли производство музыки по методу Motown – исполнение песен от штатных авторов и композиторов. Певцы, должно быть, наконец-то осознали, что продюсеры и авторы, такие как Смоки Робинсон и Норман Уитфилд, зарабатывали большие суммы на авторских гонорарах, не изнуряя себя турами по сорока городам и публичными выступлениями. Теперь Уандер и Гэй просили Берри дать им возможность выразить себя в музыкальном плане через написание песен и, как следствие, принять участие в их издании.

Дело в том, что музыка не была в центре внимания Берри Горди, когда он решил перенести Motown из Детройта в Лос-Анджелес. Он завершил два десятилетия мичиганского благоденствия по той же причине, по которой оптимистично настроенные выпускники средней школы и смазливые молодые беглецы стекаются в Город ангелов каждый день со всего мира: голубой экран. Берри мечтал пробиться в кино, и его протеже Дайана Росс должна была стать для него входным билетом. Руководя передвижением на запад, Горди оставался прагматичен и верен себе. Он воспользовался случаем, чтобы навести порядок на студии: сотрудники и артисты, считающиеся мертвым грузом, останутся в Мотор-Сити, в то время как нужные кадры смогут сохранить рабочие места, если согласятся переехать в Лос-Анджелес.

Когда Берри Горди увидел запись о прослушивании The Jackson 5 в Детройте, то понял, что ребята появились в нужное время. Группа не только откроет новую музыкальную эру для Motown, но и сделает это с помощью хита, выпущенного собственным производственным персоналом компании. Дети не хотели писать и продюсировать свои песни, они просто хотели стать звездами. У Берри определенно было дежавю. Как он тосковал по недавним временам, когда Стиви и Марвина заботило только пение, а не издательское дело. Подписать контракт с группой, готовой полагаться исключительно на Motown в выборе материала, – значит подтвердить проверенный временем процесс работы еще как минимум на несколько лет. (Однако даже Горди не мог предсказать, насколько Jobete будет процветать благодаря контракту с The Jackson 5.) В 1969 году отделом Западного побережья Motown руководил один из ведущих авторов и продюсеров компании. Как неотъемлемый член «Клана» (The Clan), группы авторов и продюсеров компании, Дик Ричардс написал несколько потрясающих песен (например, Love Child группы The Supremes). Он и Берри наслаждались близкими отношениями; у Дика даже была телефонная линия, предназначенная исключительно для товарища, и тот, желая поделиться идеями, звонил ему в любое время дня и ночи.

Неотъемлемой частью работы Дика в качестве креативного директора отдела талантов Западного побережья Motown был постоянный поиск многообещающих авторов и исполнителей для пополнения артистического пула компании. В том же году он познакомился с двумя талантливыми молодыми авторами, Фредди Перреном и Фонсом Мизеллом. Он думал, что оба обладали прекрасным потенциалом, и ему не терпелось ввести их в семью Motown.

В течение следующих трех месяцев Дик Ричардс, Фредди Перрен и Фонс Мизелл совместно работали над песней *I Want to Be Free*, предназначенной для Gladys Knight and the Pips. Команда отправилась на студию Motown вместе с талантливым составом музыкантов, чтобы записать инструментальные партии. Перрен с любовью вспоминает этот сеанс как «одно из величайших инструментальных выступлений».

Тем временем Берри пригласил Дика на шоу The Jackson 5 в клуб The Daisy. Его вела Дайана Росс. Дик был впечатлен.

В Motown до него доходили слухи, что Бобби Тейлор сейчас записывает материал с братьями в Детройте. Хотя тот спродюсировал несколько хороших песен, все знали, что в новом списке нет хитов. Когда Дик сыграл для Берри *I Want to Be Free*, песня ему очень понравилась, и продюсер подумал, что она идеально подойдет для Джексонов. «Отдай песню Фрэнки Лаймону на обработку, – сказал он Дик, – и мы посмотрим, что произойдет».

Дик вспоминал: «Берри какое-то время носился с песней, и у него была пара хороших идей. Он загорелся. Я *хотел*, чтобы Берри принял участие. Постепенно процесс захватил всех нас».

Дик решил назвать команду, состоящую из Фонси Мизелла, Фредди Перрена, самого Дика и Горди, «Корпорацией», чтобы укрепить демократические предпосылки, избежать раздутого эго и обеспечить каждому справедливое обращение. Он рассказывал: «После того как основной инструментальный трек был закончен, пора было начать репетировать детский вокал для записи поверх него. Мальчики подошли к дому Берри, и тогда мы начали говорить с ними о песне и „возводить мосты“. В течение следующих нескольких недель дети проработали уйму часов над одной песней. Это была тяжелая работа. В конце концов трек переименовали в *I Want You Back*».

«Главная проблема с The Jackson 5 заключалась не в необходимости работать, – говорил Дик. – Трудность состояла в том, что требовалось стать для них не просто продюсером, но и учителем по фонетике и английскому языку. Было утомительно учить их правильно произносить слова. Нам приходилось повторять слово за словом, что было непросто. Если у Майкла и были какие-то проблемы помимо фонетических, они были связаны с атакой и удержанием слов и нот. Как любой ребенок, он имел обыкновение обрывать слова, он охотнее бросал ноту, нежели тянул ее. Он думал о танцах или о чем угодно, кроме текста. Мне приходилось говорить ему: „Мне нужны все ноты, Майкл, все до единой“».

«Однако как певец он был великолепен. Что касается интонации и всего прочего, мальчик был потрясающим. Мы оказывали на него большое давление, потому что, когда вы находите ребенка, который может так петь, возникает чувство: „Да, он такой крутой, я хочу, чтобы он был еще круче“. Я чувствовал, если он мог быть настолько хорош в „сыром виде“, только представьте, на что стал бы способен, если его как следует отполировать».

«Я помню, что Дик Ричардс был одним из моих первых учителей, – говорил Майкл Джексон. – Боже, мы столько времени потратили на *I Want You Back*. Он был очень терпелив со мной, со всеми нами. Думаю, я записал трек два десятка раз. Я понятия не имел, что запись может быть такой трудной работой. Помню, как клевал носом в микрофон. Я задавался вопросом, наступит ли этому когда-нибудь конец. В тот момент, когда я подумал, что мы закончили, нам нужно было вернуться и записать все заново».

Последняя сессия записи *I Want You Back* длилась до двух часов ночи. «Песня должна была стать самым дорогим синглом в истории Motown, – добавил Дик Ричардс. – Он обошелся

примерно в десять тысяч долларов. На тот момент обычный сингл компании стоил около двух тысяч. Мы продолжали добавлять и убирать музыку до самого конца. На самом деле оригинальная песня начиналась с гитарного соло, но в последнюю минуту я захотел, чтобы наверху было глиссандо фортепиано. Я попросил Фредди и Фонса провести пальцами по пианино для вступления».

2 октября 1969 года, после окончательного сведения I Want You Back, Берри спросил Дика, какое, по его мнению, название группы должно появиться на лейбле звукозаписи. «Пятерка Джексонов»? «Пятерка Джексонов и Майкл Джексон»? Дик посчитал, что группу следует называть просто The Jackson 5 с цифрой 5. Берри согласился. С Джозефом Джексонем даже не посоветовались. Представляете, какое напряжение могло бы возникнуть в семье, если бы Дик предпочел «Пятерка Джексонов и Майкл Джексон»?

Майкл переезжает к Дайане

1 октября 1969 года, в то время как начальство Motown переселяло отца и братьев Майкла из отеля в отель, было решено, что сам Майкл Джексон переедет к Дайане Росс в ее дом на голливудских холмах. «У нас был свой расчет. Я хотел, чтобы он находился рядом с ней, – объяснял Берри Горди. – Люди думают, что он остался там случайно, но это не так. Я стремился к тому, чтобы Дайана научила его всему, что знала. Она умеет влиять на людей. Я знал, что Майкл нахватается *чего-то*, просто находясь рядом с ней. Росс говорила, что он напоминал ее саму в одиннадцать лет. Парень был беспокойным и заинтересованным, а также талантливым, как и Дайана, когда я впервые встретил ее. Девушке тогда исполнилось шестнадцать. Я спросил, не возражает ли она, чтобы Майкл пожил у нее, а она ответила, что нет. Дайана тоже хотела, чтобы он был рядом. Ей было полезно подумать о ком-то еще. Это длилось всего четыре недели в октябре».

Как бы Дайана ни хотела помочь, она была настолько поглощена собственной карьерой, что, вероятно, оказалась не готова к роли суррогатной матери. Тем не менее женщина очень старалась, относилась к Майклу как к сыну и привязалась к нему. Однако, очевидно, жизненный уклад подростка в доме Росс сводился к тому, что «мать» учила его избегать зла. Казалось, в этой обители ничего не имело значения, кроме шоу-бизнеса. «Ты будешь великой, великой звездой, – напоминала ему Дайана за завтраком. – А теперь ешь свои хлопья».

Хотя Росс оставалась дома весь октябрь, она была очень занята, поскольку собиралась покинуть The Supremes и начать сольную карьеру. Между тем у них с Берри был бурный роман. Майкл, несомненно, стал свидетелем многих ссор между парой, а затем, вероятно, наблюдал, как они улыбались и ворковали друг с другом перед репортерами. Он многое узнавал о правилах PR в шоу-бизнесе, но только время покажет, как это повлияет на него.

Майкл посещал школу днем и записывался в студии до поздней ночи. Тем не менее он отмечал, что в то время, когда жил с Дайаной Росс, она находила время, чтобы приобщить его к искусству. «Мы выходили вдвоем и покупали карандаши и краски, – писал Майкл в автобиографии. – Когда мы не рисовали или не писали красками, то ходили в музей».

Восхищение Майкла Дайаной – некоторые позже назовут это одержимостью – длилось много лет. Она была не только матерью, когда его собственная находилась за тысячи миль, но и прекрасным исполнителем; он изучал ее поведение постоянно. «Я помню, как просто сидел в углу и смотрел, как она двигается, – вспоминал певец. – Она была произведением искусства. Вы когда-нибудь видели, как она двигает руками? Я был... [он пытался подобрать правильное слово] *зачарован* ею. Целыми днями, когда я не репетировал свои песни, то слушал ее. Однажды я наблюдал, как она репетировала перед зеркалом. Росс не видела, что я смотрю. Я изучал, как она двигалась, как пела, как была самой собой. После я сказал ей: „Я хочу быть как ты, Дайана“. И она ответила: „Просто будь собой, и ты станешь великой звездой“».

Живя в доме Росс, одиннадцатилетний Майкл испытывал и чувство одиночества, когда она была на работе; он скучал по своей родной матери и постоянно разговаривал с ней по телефону, увеличивая телефонные счета Дайаны.

Кэтрин волновалась за Майкла в тот период, по словам друга семьи, женщины, пожелавшей остаться неназванной, поскольку женщина все еще ей доверяет. «Кэти действительно беспокоил образ жизни Дайаны Росс и то, как он может повлиять на ее сына, – рассказывает подруга. – Она не хотела, чтобы сына развратила Дайана или ее друзья из шоу-бизнеса. Кроме того, она очень мало знала о Дайане. Знала ее как знаменитость, которая имела репутацию эгоистичной и самовлюбленной звезды. Все то время, пока Майкл был вдали от нее, Кэти могла только представлять, что творится в доме Росс и как Майкл справляется. Ее воображе-

ние разыгралось. Это было тревожное время, когда она задавалась вопросом, каким ценностям Дайана Росс учит мальчика».

Возможно, положение Кэтрин усложнялось тем, что Дайана, казалось, не хотела говорить с ней напрямую. Когда женщина звонила, чтобы проведать Майкла, ей приходилось говорить с прислугой, если подросток не был доступен. Дайана обычно не подходила к телефону.

Кэтрин волновалась из-за возможных вечеринок в доме Росс, но абсолютно зря. Дайана была серьезным человеком, а не тусовщицей. Она рано ложилась спать, чтобы на следующий день успеть на все свои многочисленные встречи. Во всяком случае, Росс научила Майкла основам трудовой этики, сослужившей ему хорошую службу в юности. Она хотела стать для него примером и желала показать ему только свою лучшую сторону.

«Я хорошо ее узнал, – скажет Майкл много лет спустя, – и она многому меня научила на собственном примере. Помню, что Дайана оставалась в студии звукозаписи до утра, возвращалась домой, примеряла костюм, репетировала, обедала, смотрела телешоу, а потом отдыхала, может быть, часа два. Потом снова ехала на студию. Я помню, как подумал: а у меня все не так плохо. Посмотрите на *нее*. А она Дайана Росс!»

Успех!

Слава The Jackson 5 была не за горами, но по пути нужно было совершить пару обходных маневров. Когда в октябре 1969 года вышел сингл *I Want You Back*, он не сразу стал хитом. Песня вошла в топ-100 журнала *Billboard* под номером 90. Отделу продвижения и продаж Motown приходилось снова и снова поощрять диск-жокеев играть ее, а музыкальные магазины – держать запись на складе. Затем, десять недель спустя, 31 января она наконец-то стала номером один, сместив песню Би Джей Томаса *Raindrops Keep Falling on My Head*.

C I Want You Back Берри Горди, Дик Ричардс, Фонс Мизелл и Фредди Перрен сумели с успехом запустить последнюю находку Motown и ввести звукозаписывающий лейбл в новое и захватывающее десятилетие. Не по годам развитый, но совершенно очаровательный и милый Майкл проложил для своих старших братьев путь к сердцам, домам и стереосистемам белой Америки среднего класса. Зажигательный сингл также снискал успех в черных, или ритм-н-блюзовых чартах.

Как и в случае с успешной для The Supremes формулой 1960-х, звук The Jackson 5 представлял собой здоровую, безопасную соул-музыку, легко усваиваемую и принимаемую покупателями пластинок всех рас. Хотя в Америке песня сохраняла лидерство лишь одну неделю, было продано фантастическое количество записей: 2 060 711 копий в Соединенных Штатах и еще четыре миллиона за рубежом. В Великобритании песня дошла до второго места и оставалась в чартах тринадцать недель, было продано 250 000 копий.

«Профессионалы говорили нам, что никогда ни у одной группы не было лучшего старта, чем у нас, – вспоминал Майкл Джексон. – Никогда».

После выхода *I Want You Back* имидж The Jackson 5 изменился. Знаменитая школа хороших манер Motown – классы по воспитанию, проводимые в Детройте, чтобы превратить уличных детей, таких как The Temptations, в опытных артистов, – больше не работала, поскольку компания переехала в Лос-Анджелес. Теперь всю работу по изменению имиджа должен был выполнять тот, кого Горди мог убедить помочь. Сюзанна де Пасс, ныне президент Motown Productions, была назначена ответственной за преображение ребят. С ними работали стилисты, они подбирали цветовые сочетания, придумывали лучшие прически и сценические костюмы для каждого участника группы. Сюзанна и мальчики ходили по магазинам в поисках самых эпатажных нарядов, которые они только могли найти, и некоторые из них были действительно ужасны – кричащих цветов и с диким дизайном. Однако, как ни странно, все сработало. В конце концов, на дворе были 1970-е.

18 октября 1969 года стало еще одной важной вехой для The Jackson 5: состоялось их первое появление на национальном телевидении в шоу *The Hollywood Palace* с Дайаной Росс в роли ведущей. (The Supremes тоже были там, хотя Мэри Уилсон и Синди Бердсонг не получили в ту ночь много эфирного времени.) За кулисами Джозеф продолжал засыпать мальчиков последними советами, как делал всегда перед выступлением. Майкл однажды сказал, что отца обычно легко было не слушать: он в сотый раз повторял одни и те же вещи. По словам Джека Льюиса, художника-постановщика программы ABC, в тот вечер Джозеф был еще более напряженным.

«Джо расхаживал за кулисами, как лев в клетке, – вспоминал он. – Я не сомневаюсь, что он нервничал больше, чем дети. Мальчики были в восторге от своего прорыва. Дайана Росс продолжала ходить за кулисы и беседовать с Майклом наедине. Она много гладила его по голове, что, как я заметил, раздражало Джо».

На Дайане был открытый белый топ и белые брюки, которые подчеркивали ее изящную фигуру. Волосы она собрала в изысканный пучок; ее серебряные серьги длиной до плеч порхали взад и вперед, когда она танцевала с Майклом за кулисами перед шоу. «Давай, начинаем! –

сказала она, подзывая его. – Ты мужчина! Ты мужчина!» Майкл изобразил Джеймса Брауна: он закружился, рухнул на колени, а в следующее мгновение уже снова был на ногах. «Я мужчина», – сказал певец, смеясь. «Ты меня правильно понял», – услышал он в ответ.

Берри Горди находился за кулисами. Прямо перед выходом он собрал всех вокруг себя и устроил импровизированное совещание. Затем, когда продюсер закончил, Джо – чтобы не отставать – сделал то же самое.

Находясь по ту сторону занавеса, они услышали вступительное слово Дайаны: «Сегодня я счастлива представить вам молодую звезду, которая в шоу-бизнесе с рождения. Он начал вместе со своей семьей, когда малыш поет и танцует, сцена загорается».

В этот момент на сцену выскочил Сэмми Дэвис-младший, чтобы развеселить публику. Он якобы думал, что Дайана представляет его, но женщина объяснила, что на самом деле значили ее слова, а затем произнесла: «Майкл Джексон и The Jackson 5».

В то же мгновение занавес открылся, и на сцене появилась группа, они исполняли композицию Слая Стоуна *Sing a Simple Song*. Ребята были одеты в одинаковые костюмы, те же самые, что и во время дебютного выступления в The Daizy: бледные, салатные, двубортные, с широкими лацканами, с жилетками без рукавов, с брюками-клешами и замшевыми ботинками точно такого же оттенка. Их рубашки с длинными рукавами были золотого цвета. (Хотя многие и предполагали, что за наряды заплатила компания Motown, на самом деле их купили Джозеф и Кэтрин в Гэри.)

По словам художника-декоратора Джека Льюиса, когда мальчики пели, за кулисами между Джозефом Джексонем и Берри Горди разгорелся спор.

«Что еще за „Майкл Джексон и The Jackson 5“? – спросил Джозеф. – Мне об этом никто не говорил. Со мной никто ничего не обсуждал».

Берри пожал плечами. «В сценарии такого не было, – объяснил он. – Дайана только что выпалила. Она такая. Делает то, что хочет. Уже много лет я пытаюсь говорить ей, что делать, но все бесполезно».

«Мне такое не нравится, – возмутился Джексон-старший. – Все мальчики равны. Мы не выделяем Майкла. Это наверняка вызовет проблемы».

«Но послушай, Джо, он явно звезда, – сказал Берри, внимательно следя за выступлением. – Ну давай же! Взгляни на него. Ты, должно быть, шутишь?»

«Нет, они *все* звезды», – возразил Джозеф.

«Что ж, теперь уже слишком поздно», – сказал Берри, снова пожимая плечами. Затем они оба наблюдали за остальной частью представления, Берри с широкой улыбкой, а Джозеф с кислой миной.

Когда братья закончили следующие две песни (*Can You Remember?* и *I Want You Back*), аплодисменты зрителей во главе с Дайаной были щедрыми. Вне всяких сомнений, мальчики произвели на публику сильное впечатление.

После шоу за кулисами возникло столпотворение, мальчики кричали от восторга, хлопали друг друга по спине, подпрыгивали и обнимались. Джозеф находился в центре происходящего, наслаждаясь сладким моментом победы вместе с сыновьями.

Дайана вышла за кулисы и направилась прямо к Майклу. «Я так горжусь тобой, – воскликнула она. – Ты лучший! Самый лучший. Ты будешь большой, очень *большой* звездой». Она действительно гордилась успехами певца, можно было подумать, что она и вправду его настоящая мать, а не просто подставное лицо. Затем женщина отвернулась от своего «сына».

«Кто-нибудь, пожалуйста, принесите мне полотенце. – Дайана не обращалась к кому-то конкретно. Она повысила голос: – Здесь меня должно было ждать полотенце. *Я хочу полотенце*. Ну где же оно? *Кто-нибудь!*»

«Я принесу, мисс Росс», – предложил Майкл, исчез, а через мгновение вернулся с мягким белым полотенцем.

Дайана улыбнулась и взяла его. «Спасибо, Майкл», – сказала она, погладив его по голове. Подросток просиял и убежал.

Берри подошел к Дайане и, как услышал Джек Льюис, спросил: «Что это было за выступление: „Майкл Джексон и The Jackson 5“?»

Сняв полотенце и обнажив плечи, артистка с гордостью посмотрела на Берри. «О, я сама это придумала, – сказала она. – Неплохо вышло, да?»

«Наверное, но отца это очень разозлило», – заметил Берри.

Дайана посмотрела на продюсера с таким выражением, будто он сошел с ума, если его заботит, что думает «отец»... «Ну и что?» – спросила она. «Вот, возьми», – сказала женщина, протягивая ему полотенце, как будто он был ее помощником, а не президентом звукозаписывающей компании. «Майкл! О, Майкл, – крикнула Росс, уходя. – Ну где же этот мальчик?»

Со времен Сэмми Дэвиса-младшего мир не видел ребенка-исполнителя, обладающего таким же врожденным чувством сцены, как Майкл Джексон. Как певец и танцор молодой Майкл излучал просто сверхъестественную харизму. После того как юноша записал меланхолическую блюзовую песню Смоки Робинсона *Who's Loving You?* у сотрудников Motown был только один вопрос: «Где он научился так выражать свои чувства?» Ответ был в том, что ему не нужно было учиться, казалось, он просто знал.

Продюсеры всегда удивлялись тому, как в перерывах между сеансами записи Майкл играл в детские игры, такие как карты и прятки, а затем подходил к микрофону и исполнял песню с эмоциональной гибкостью и осмысленностью человека, испытывавшего немало душевной боли. Не менее удивительным было то, что помимо демонстрационных записей песен, спетых сессионным певцом, чтобы дать Майклу направление главной мелодии, а также очистить его дикцию, которая была постоянной заботой Дика Ричардса, в студии Майкл был в значительной степени предоставлен самому себе. Когда ему сказали спеть как отвергнутому поклоннику, никто в студии на самом деле не ожидал, что он это сделает, что он прочувствует эмоции человека с разбитым сердцем. Да и как они могли думать иначе? В конце концов, ему было одиннадцать.

«Я скажу тебе чистую правду. В самом начале я не знал, что делаю, – однажды признался мне Майкл. – Просто делал. На самом деле я умел петь и ничего не контролировал. Все получалось само собой. Не знаю, откуда это взялось... просто пришло. Половину времени я даже не понимал, о чем пою, но всегда чувствовал стоящие за словами эмоции».

Продюсеру Дику Ричардсу приходилось сажать Майкла на мусорное ведро, чтобы он пел в подвесной микрофон над ним. Джермейн и Джеки стояли по обе стороны от брата (на первых порах Марлон и Тито редко записывали бэк-вокал, так как ни один из них не обладал гармоническим слухом). Ноты стояли перед лицом мальчика на пюпитре. Находясь за пультом управления, Ричардс мог видеть в студии лишь Джермейн и Джеки, которые стояли по обе стороны от двух кроссовок, болтающихся по бокам мусорного бака.

Когда Майкл и его братья стали профессиональными артистами, существовало, вероятно, миллион столь же талантливых молодых танцоров. Что отличает артиста от уличных танцоров, – так это его исполнение, несомненно, сформировавшееся за годы наблюдения за хедлайнерами ритм-н-блюзовых концертов, в которых он и его братья обычно появлялись. Уже ребенком он понимал, какие приемы работали.

У легендарного соул-певца Джеки Уилсона Майкл научился важности сценической драмы. Он быстро понял, что резкое опускание на одно колено, старый прием Уилсона, обычно заставляло аудиторию кричать от восторга. Однако по большей части наблюдение за молодым Майклом напоминало наблюдение за сотой копией Джеймса Брауна. Подросток позаимствовал у самопровозглашенного «самого трудолюбивого человека в шоу-бизнесе» все, что мог. Он не только использовал шпагат и скольжение на одной ноге, но и обращался с микрофоном

так же дерзко, как Браун, – словно пьяный парень со своей девушкой в бильярдной на углу субботним вечером.

Кроме того, Майкл украл у Джеймса Брауна его знаменитое вращение. Тем не менее в то время оно заводило публику гораздо меньше, чем исполнение певцом прогулки на верблюде (Camel Walk), другого танца, популяризированного Брауном. Когда мальчик вышагивал по залу American Bandstand во время первого появления The Jackson 5 в этой передаче, даже хорошо воспитанные белые подростки обезумели от восторга.

От Дайаны Росс Майкл получил не только чувство стиля, но и осознание силы. Дайана умела доминировать *негласно*. Он наблюдал, как люди реагировали на нее, когда женщина входила в комнату. Ее уважали. К ней относились с почтением. Ему такое нравилось.

Была еще одна вещь, которую Майкл позаимствовал у Дайаны в пении: его ранние «oooу». Первые вокальные импровизации почти всегда то тут, то там перемежались восклицанием «oooу». Однако это было не протяжное «oooу», а скорее резкое, как удар или восклицательный знак. Певица использовала подобный эффект во многих записях The Supremes. Майкл был в восторге от приема и добавил его в свою копилку. Безусловно, маленькому Джексону помогало каждое «oooу».

В начале ноября 1969 года Берри Горди арендовал дом для семьи Джексонов на Куинс-роуд, 1601, в Лос-Анджелесе. Майкл переехал из дома Дайаны Росс к отцу и братьям. Месяц спустя Кэтрин, Ла Тойя, Джанет и Рэнди присоединились к родным. Motown оплатила их перелет, их первое путешествие на самолете.

Когда они подъехали, мальчики ждали на лужайке перед домом. Майкл первым бросился в объятия матери. «Ты так вырос», – воскликнула она. Слезы текли по ее лицу, когда женщина по очереди обнимала каждого из своих сыновей. Джеки, дразнясь, поднял Марлона и подбросил его в воздухе. «Я следующая, я следующая», – закричала трехлетняя Джанет.

По воспоминаниям Кэтрин, войдя в дом, она долго осматривала гостиную. Комната была такой огромной (в два раза больше их дома в Гэри), что миссис Джексон оцепенела. «Это точно не Гэри», – сказал ей Джозеф, гордо улыбаясь. Затем супруг заставил Кэтрин закрыть глаза. Он вывел жену во внутренний дворик на заднем дворе. «Хорошо, теперь ты можешь осмотреться», – разрешил Джексон.

От дома, стоящего на склоне холма, открывался вид на ночной Лос-Анджелес: тысячи огней мерцали в темноте. «Наверное, так выглядят небеса», – сказала Кэтрин, когда обрела дар речи. – Я никогда не видела ничего более красивого».

«Отныне каждую ночь все они будут светить для тебя», – прошептал ей Джозеф. Он был счастлив видеть ее, свою жену и спутницу жизни. Иногда печаль Кэтрин была настолько острой, что граничила с депрессией. Джозеф знал, что в этом есть и его вина. Он старался не думать о дурных поступках, сосредотачиваясь больше на том, что он делал *хорошего*. Например, на возможности предоставить ей новый и захватывающий образ жизни. Хотя у Джозефа были интрижки, он всегда утверждал, что Кэтрин Джексон была единственной женщиной, которую он когда-либо любил, а все остальное было... развлечением. Временами Джозеф мог быть жестоким и бесчувственным, эгоистичным. Спустя годы он будет наблюдать, как любовь Кэтрин к нему окажется погребена под руинами его откровенной неверности, упрямства и амбиций. Однако в минуты покоя, когда муж оставался с ней наедине, то, чем они делились друг с другом, было настоящим и сильным чувством, живым по сей день. Они женаты пятьдесят три года.

Кэтрин вспоминала, что попросила оставить ее одну во дворе нового дома. Женщина стояла среди апельсиновых деревьев и цветочных клумб, все было красиво освещено. Джозеф включил уличную аудиосистему, чтобы на фоне играла романтическая музыка. В воздухе пахло жасмином. Настоящее волшебство.

«Прекрасно, не правда ли?»

Кэтрин резко обернулась на звук незнакомого женского голоса, но прежде чем кто-либо из них успел что-то сказать, Майкл уже был подле Кэтрин. «Мама, это *она*. Это Дайана Росс, – сказал он взволнованно. – Правда, она красива? До чего же она красива!»

Позже, рассказывая подруге о той встрече, Кэтрин замечала, что Дайана была такой же стройной, молодой и привлекательной, как и на телеэкране. Невысокая и полная женщина с болью осознала, какой простушкой могла показаться гламурной певице. Прихрамывая, Джексон приблизилась к ней. Росс же словно плыла по воздуху. Она была приветливой и дружелюбной. Ее большие темные глаза сияли, женщина взяла Кэтрин за руку. «Миссис Джексон, я так рада познакомиться с вами, – сказала она. – Ваши дети так много говорили о вас. Ребята просто лучшие».

Как она ни была рада услышать похвалы, Кэтрин не могла не задаться вопросом, почему Дайана находилась в доме и когда приехала. Росс, должно быть, угадала ее немой вопрос. «О, я просто пришла в гости», – пояснила она, тепло обняла Кэтрин и поцеловала в щеку.

Кэтрин сказала Дайане, что благодарна за все, что та сделала для ее мальчиков, особенно для Майкла, и что счастлива, что теперь может сама воспитывать его. «Ему нужна мать, – твердо сказала она. – Меня не было слишком долго». От подобных слов певице, казалось, стало не по себе – ее поведение изменилось. «Я рада за вас», – мягко произнесла она. Росс казалась расстроенной деликатным напоминанием о том, что больше не может оказывать влияние на жизнь молодого Майкла. Ей нравилось быть его «матерью», пусть и на такой короткий срок. Мальчика будет не хватать. Жизнь Дайаны была одинокой, с пятнадцати лет она занималась исключительно карьерой. Однако совсем скоро у нее появятся собственные дети – три девочки, а затем два мальчика, – и она посвятит им себя без остатка. «Я бы хотела поболтать, – сказала она Кэтрин, – но не могу, потому что очень занята».

«Разве вы не можете остаться хотя бы на чашку кофе?» – предложила Джексон.

«Нет, правда. Прошу простить, я должна бежать...»

«О... конечно», – ответила Кэтрин.

Не сказав больше ни слова, Дайана повернулась и ушла.

«Пока!» – крикнул ей вслед Майкл, но Росс не ответила.

Кэтрин обняла ребенка. Затем, не оглядываясь, мать и сын рука об руку вошли в дом, чтобы начать новую жизнь.

Часть вторая

ABC и The Love You Save

К концу 1969 года в возрасте одиннадцати лет Майкл Джексон воссоединился с родной матерью, в то время он был живым, энергичным и веселым мальчиком. «Все, чего я хочу сейчас, – посмотреть, как далеко мы можем зайти как семья, – сказал он репортеру журнала *Soul* Джуди Шпигельман. – Мне нравится шоу-бизнес, Голливуд и все с этим связанное, то, что делают люди вроде Берри Горди, чтобы ты выглядел хорошо. Я по-настоящему взволнован происходящим».

В декабре Motown Records выпустили первый альбом братьев: «Дайана Росс представляет *The Jackson 5*». Было продано 629 363 копий, невероятное количество для дебютной пластинки. В Великобритании она достигла шестнадцатой позиции хит-парада и оставалась в первой сотне в течение четырех недель. «Честность всегда была для меня особенным словом, понятием, – обращалась Дайана Росс к слушателям с обложки альбома. – Но когда я думаю о своем личном понимании честности, я представляю что-то, что вижу целиком и полностью, без тайн и прикрас, как есть... Вот так я отношусь к The Jackson 5 – пяти братьям Джексон, которых я обнаружила в Гэри, штат Индиана. Они очень талантливы, но прежде всего – они честны».

Майкл читал предварительную версию обложки альбома в одном из офисов Motown, пока его братья и промоутер наблюдали за ним.

«Нам даже не дали сыграть на наших собственных инструментах, – проворчал Тито. – Но вот на обложке мы держим их, как будто играем. Мне это кажется неправильным». По правде говоря, ему и Джермейну не разрешили играть на басу и гитаре во время записи, так как Берри посчитал, что они не готовы к студийной работе. Все инструментальное сопровождение было записано лучшей командой музыкантов Motown, которые работали там еще до того, как Джексонсы попали на студию. Так что мальчики должны были научиться копировать звук как можно лучше для живых выступлений.

«Я думаю, мы сами должны играть во время записи», – решил Тито.

Майкл закатил глаза. «Почему?» – спросил он.

«Потому что иначе все – неправда, – ответил брат. – Нечестно, как сказала бы мисс Росс».

«А как насчет этой части?» – уточнил Джермейн, все еще глядя через плечо Майкла. Он указал на реплику Дайаны об открытии группы. «Это тоже нечестно. Это был Бобби Тейлор».

Майкл пожал плечами. «Это пиар, – сдержанно сказал он. – Ну же, ребята. Заканчиваем».

«Он действительно серьезно заинтересовался имиджем в довольно раннем возрасте, – рассказывал Стэн Шерман, независимый промоутер, ставший свидетелем перемен. – Остальные мальчики были сбиты с толку из-за лжи, но не Майкл. Один-единственный раз ему все объяснили, и он не только принял это, но, я думаю, даже начал верить. Меня пугало его отношение. Казалось, Майкл хотел и даже стремился приспособиться к вымышленному миру».

Позже в том же месяце, 14 декабря 1969 года, The Jackson 5 появились в *The Ed Sullivan Show*. Хотя они уже однажды выступили на национальном телевидении в *The Hollywood Palace*, пришедшее в октябре приглашение выступить в *The Ed Sullivan Show* стало важной вехой в их карьере.

Программа не могла приписать свой успех ведущему. Суровый и, как правило, неулыбчивый, Салливан, обозреватель *New York Daily News*, лишь представлял гостей, чьи имена обычно перевирал или забывал. Однажды, когда в передаче участвовали Смоки Робинсон и The Miracles, он представил их как Smokey and his little Smokeys. Тем не менее привлекатель-

ность шоу была обеспечена составом гостей. Новички понимали, что достигли успеха, когда их приглашали выступить на шоу; те же, кто купался в лучах славы, были уверены, что все еще находятся на вершине. Эд Салливан никогда не принимал во внимание бывших звезд или людей, желающих ими быть.

Как только Салливан представил «сенсационную группу», Марлон, Джеки и Майкл, а также гитаристы Тито и Джермейн начали свое выступление с исполнения песни Sly & The Stones Stand. Они были одеты в немыслимые стилижные наряды, созданные Сюзанной де Пасс после походов по магазинам в Гринвич-Виллидж.

Майкл снова находился в центре внимания. Когда он пел, его глаза блестели. Он выглядел просто очаровательно в пурпурной ковбойской шляпе. Все, кто видел шоу, вспоминали, каким невероятно милым был этот малыш на сцене. И речи быть не могло о необработанном алмазе, он уже казался безупречным опытным исполнителем. Когда он пел Can You Remember? чистота и диапазон его голоса противоречили самому его возрасту. К тому времени, когда The Jackson 5 закончили выступление зажигательным номером I Want You Back, они уже полностью покорили аудиторию. Просто появиться рядом с Эдом Салливаном уже было большим достижением, но такие бурные аплодисменты, казалось, пророчили настоящий успех.

По традиции Салливан немного подшучивал над гостями, но вскоре обратил внимание на одного из зрителей: «Человек, открывший The Jackson 5, – Дайана Росс». Женщина, одетая в то, что можно описать как взрослую версию воздушного розового платья для молодежной вечеринки, встала и скромно поклонилась.

Перед Motown стояла сложная задача: выпустить вслед за дебютным синглом № 1 от The Jackson 5 второй хит, который тоже станет лидером чартов. Поскольку Горди исходил из принципа, что авторы и продюсеры первой популярной песни должны получить возможность сочинить еще одну столь же успешную, Берри поручил работу Дикю Ричардсу и «Корпорации». «Однажды ночью я был в квартире Фонса [Мизелла] и Фредди [Перрена], и мы дурачились с их электрическим пианино, – вспоминал Дик Ричардс. – Я начал думать о Холланде-Дозье-Холланде³ и о том, как они часто делали определенные типы записей, снова и снова, используя одну и ту же последовательность. Это была проверенная формула успеха. Так что я взял часть I Want You Back – ту, где группа поет припев, – и решил положить ее в основу их следующего сингла».

Он продолжил: «Я сидел за пианино, играл аккорды, и мне на ум пришел текст ABC. Фонс и Фредди посмотрели на меня как на сумасшедшего. „Ну, а что теперь?“ – спросил я самого себя. – Знаю! Как насчет раз, два, три?» К тому моменту парни уже думали, что я сошел с ума. А потом я придумал следующую строчку: „До, ре, ми“. И закончил громогласным „Ты и я!“».

«Ну вот и все, – сказал Дик партнерам, смеясь. – Хит готов».

Вскоре трое мужчин были в студии и записывали песню ABC с Майклом и его братьями.

«Я полюбил ABC, как только услышал ее в первый раз, – говорил певец. – С большим энтузиазмом отнесся к работе над ней, чем над синглом I Want You Back. Это была такая заводная песня, отличная идея с классной мелодией. Мне не терпелось записать ее. Я помню, как Дик и другие парни тут же на ходу сочиняли слова. „Присядь, девочка, я думаю, что люблю тебя“. Потом было: «Двигайся, двигайся, детка», знаете, на манер The Contours и других старых групп. Я понятия не имел, что можно делать нечто похожее в студии, просто придумывать такие фрагменты в последнюю минуту».

³ Авторское и продюсерское трио, состоявшее из Ламонта Дозье и братьев Брайана и Эдди Холландов. В 1960-е годы команда написала, аранжировала и спродюсировала множество песен, в значительной мере создавших и определивших особое мотауновское звучание. (Прим. ред.)

В феврале 1970 года Motown выпустили ABC, второй сингл The Jackson 5. За каких-то шесть недель песня забралась на вершину чартов *Billboard*, потеснив Let It Be группы The Beatles. Песня, разошедшаяся тиражом 2 214 790 копий – даже больше, чем I Want You Back, – казалось, не только подшучивала, но и принимала новую и набирающую обороты тенденцию в популярной музыке – преимущественно белый стиль баблгам-поп. В Великобритании трек достиг восьмой строчки хит-парада и оставался в чартах почти три месяца. Гудящий бас, бойкие клавиши и очаровательный припев привели The Jackson 5 на вершину популярности.

Фредди Перрен вспоминал: «После двух хитов Берри продолжал спрашивать: „А как насчет продолжения? Что насчет продолжения?“ Он очень хотел получить третий шлягер. Мы сводили дорожки для третьей песни на Sound Factory в Голливуде. Берри никогда не приходил на сеансы наложения музыки, но изменил привычке. Послушал минут пятнадцать и сказал: „Я не волнуюсь. Вы, ребята, сделали еще один хит“. И ушел. Именно тогда мы узнали, что у нас есть третий хит».

Это был сингл The Love You Save, выпущенный в мае 1970 года, еще одна потрясающая песня для подростков с захватывающим дух исполнением Майкла. В The Love You Save милый куплет и жалостливый припев стали наживкой, а заразительное сочетание гитары и перкуссии подсаживало на крючок. Как и предсказывал Дик Ричардс, «Корпорация» разработала формулу успеха для The Jackson 5, которая во многом походила на модель Холланда-Дозье-Холланда, примененную в работе с The Supremes. Первые три хита от Дайаны и девочек, Where Did Our Love Go? Baby Love и Come See About Me, по сути, являлись одной и той же песней с хитроумно измененной структурой аккордов в нужных местах. Дик и компания использовали тот же волшебный метод с I Want You Back, ABC и The Love You Save – песнями, звучащими настолько похоже, что непосвященному слушателю ничего не стоит их перепутать. Берри хотел три песни № 1 для The Jackson 5 и, как обычно, добился своего.

Было продано 1 948 761 копий The Love You Save, что немного уступало продажам двух предыдущих пластинок, но все же сингл считался мощным хитом. В Англии он достиг седьмой строчки чарта и оставался там почти два месяца.

Песня также подарила The Jackson 5 звание первой группы в эпоху рок-н-ролла, чьи три песни попали на вершины хит-парадов. И снова они сместили песню The Beatles (The Long and Winding Road) с первого места.

«Все становилось только лучше...»

Первый концерт The Jackson 5 в качестве гордости Motown состоялся в конференц-центре Филадельфии в субботу вечером второго мая 1970 года. Несмотря на потрясающие продажи пластинок, никто не мог предположить, насколько популярными они стали всего за пять месяцев. Более трех с половиной тысяч кричащих фанатов собрались в международном аэропорту Филадельфии в надежде хоть мельком увидеть молодых братьев. Только благодаря невероятным усилиям лучших сотрудников службы безопасности Джексонам удалось выбраться целыми и невредимыми.

Сцена повторилась на следующий вечер на концерте, когда сотня полицейских снова и снова сгоняли публику со сцены. Три лимузина в сопровождении мотоциклов доставили The Jackson 5 обратно в отель после выступления. Как только самый младший мальчик вошел в номер, он не выдержал и заплакал.

«Майкл [которому было одиннадцать лет] оказался напуган до смерти, – говорит Джермейн. – Мы же были больше удивлены, чем напуганы, но Майк действительно пребывал в ужасе. Он говорил: „Не знаю, смогу ли я заниматься этим всю жизнь. Может быть, какое-то время, но не всегда”».

Массовая истерия послужила предупреждением для Motown о том, что в следующий раз, когда братья будут выступать с концертом, компания должна быть лучше подготовлена.

В том же месяце The Jackson 5 выпустили второй альбом *ABC*. Он стал даже более успешным, чем дебютный, разошедшийся тиражом 867 756 копий. Вскоре Берри организовал переезд семьи из дома на Квинс-роуд в более крупный на Боумонт-драйв над Троусдейл Эстейтс. Неподалеку жил Либераче, а также Дэви Джонс из The Monkees. «Их [Джексонов] выставили из нескольких домов, – объяснял Берри Горди Майклу Голдбергу в интервью *Rolling Stone*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.